

16+

ДВЕ ДУШИ

СОКОЛОВА НАДЕЖДА

Надежда Игоревна Соколова

Две души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29421270

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08933-4

Аннотация

Вам надоела ваша повседневная жизнь? Вам хочется попасть в сказку? Вы уверены, что она будет веселой и доброй, да еще и со счастливым концом? Ну-ну... Две женщины, проживающие в совершенно разных мирах, получают возможность во время сна бывать в мирах друг друга и влюбляются в мужчин не своего мира. Осталось сделать выбор: в каком мире остаться. Но так ли легко это?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	44
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Надежда Соколова

Две души

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.
По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...
Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.
Максимилиан Волошин

Глава 1

Мне ничего не нужно, но меня ничем не удовлетворишь.

Жан Ростан

Ирина:

День рождения... Терпеть не могу свой день рождения... Жуткий и горький праздник. Каждый раз я старалась в этот день никому не попадаться на глаза: уходила с работы, отключала телефоны, залезала под теплый плед и пыталась читать то, что было в тот момент под рукой. Да, именно пыталась. Но на душу давила, словно каменной плитой, видимо, могильной, горечь. И безысходность. Эти две близкие подруги были со мной всегда неразлучны. И портили мне все праздники. Еще один год прошел. Теперь я стала старше еще на год. Еще год приблизил меня к старости, дряхлости, маразму и смерти.

Да, я понимала, что это всего лишь затянувшаяся депрессия, что мне, по-хорошему, надо бы пойти пообщаться с образованным, высоко квалифицированным психологом, пока меня, против моей воли, закутанную в смирительную рубашку, не привезли в гости к психиатру, но... Это постоянное и многозначительное но...

Что я объясню на сеансе? Что у меня, умницы, красавицы,

несмотря на мое высокое социальное положение и хорошую заработную плату, развилась вдруг черная меланхолия, постоянная депрессия? Так явно скажет: вот же дура молодая зажралась. А не скажет, так точно уж подумает. Любой так подумает на его (и любом другом) месте, да, наверное, и думает, и говорит так. За спиной, конечно. В лицо мне никто никогда подобного не скажет. Побоятся последствий. Трусы. Гадкие подхалимы и трусы. Ненавижу. Всех их ненавижу!

Так, Ира, успокойся, не психуй, это бессмысленно, начинай дышать медленнее и глубже. Двадцать девять лет – еще не повод впадать в панику и крушить всё подряд. Хорошо-хорошо, тридцать, хотя этот возраст наступит только завтра. И завтра все на фирме, от последней старушки-уборщицы до моего зама, будут с приклеенной искусственной улыбочкой желать мне всего наилучшего и поливать грязью за спиной. А я... Я снова прожила этот год одна.

Как там Славка говорил? «Эх, Ирка. Была бы ты попроще и поспокойней, цены бы тебе, моя дорогая, не было». Славка. Красавец, умница, спортсмен. Мое разбитое сердце, моя не заживающая рана. Моя первая и, думаю, единственная любовь. Мы прожили вместе с ним всего полгода, а душа болит до сих пор. Потом он честно сказал, что ему нужна не постоянно делающая карьеру волчица-одиночка, готовая в буквальном смысле порвать всех и вся за очередную должность, а тихая и скромная домохозяйка, нежная и ласковая молчаливая куколка, такая незаметная фиалка, которую можно

изредка выводить в свет, с которой никогда не будешь чувствовать себя на вторых ролях и будешь гордиться тем, что ты – настоящий мачо. И ушел. Бесшумно закрыл входную дверь и просто растворился в бесконечном шуме этого сумасшедшего, никогда не спящего города. И я уже пять лет безуспешно пыталась его забыть, выкинуть из головы, найти ему замену. Недавно, плюнув на гордость, по-тихому, через свои каналы навела справки. Он так и не женился. Видно, все еще ищет ту единственную, свою незаметную фиалку.

Я тоже до сих пор живу одна: без мужа, без семьи, без детей. Даже рыбок не завела, так как даже за ними нужен постоянный уход, а я, с моим диким образом жизни, дать им этого не в состоянии. Редкие встречи в элитных ресторанах с постоянно меняющимися мужчинами разного веса, разной внешности, разного возраста, но с примерно одинаковой заработной платой, только чтобы не проводить очередной, пустой и страшный, вечер в одиночку дома или в баре, работа, выгрызенная у судьбы зубами, должность, полученная разными, далеко не всегда честными, путями, долгожданный и заслуженный престиж, хорошие по нынешним меркам деньги на нескольких банковских картах в разных банках и шикарная многокомнатная квартира с евроремонтом, в которой постоянно хочется выть от бесконечного, въевшегося в кровь одиночества и душевной боли.

Эх... Многие мечтают о такой жизни, как у меня, сытой и внешне беспечной, когда не нужно выбирать, съездить ли

раз в три года на отдых в деревню или заплатить за учебу старшему ребенку, а я... Я в свое свободное от дел время зачитывалась историческими романами и любовной фантастикой и страстно желала оказаться когда-нибудь в следующей жизни на месте какой-нибудь глупенькой графини или герцогини с любящим заботливым мужем и стайкой послушных детишек рядом, чтобы жить легко и безвольно, когда окружающие тебя люди постоянно вместо тебя решают не только, какое платье из твоего многочисленного гардероба тебе надеть на вечер, но и кому мило улыбнуться при встрече, а мимо кого пройти и не заметить.

Так, все. Что-то я засиделась уже. Пора заканчивать копаться в душе, жалеть и мучить себя. Двенадцатый час все же. Завтра вставать в пять. Спаточки, Ирочка, спаточки.

Ирма:

– Ирма, дорогая, не забудь, пожалуйста: сегодня вечером мы идем в театр.

– Да, Ваше Сиятельство, как прикажете, – я, покорно опустив глаза к полу, сделала вежливый реверанс и с позволения мужа направилась к себе в сопровождении его слуги.

Доведя меня до моей комнаты, слуга почтительно открыл дверь, помог войти и удалился. Молчаливые горничные, встретив внутри свою госпожу, проворно сняли с меня пышное платье молочного цвета и утягивающий корсет, скрывавший мои пышные не по годам телеса, с показным по-

чтением уложили в широкую мягкую кровать с несколькими перинами, и я наконец-то осталась одна.

Тошно. Как же мне тошно. Как надоела эта постоянная рабская покорность, это стремление угодить. Как я устала смотреть на мужа, как на единственного бога, и выполнять каждое его желание, малейшую прихоть, подобострастно выстилаться перед ним всю свою жизнь и прекрасно видеть, понимать, что для него я – всего лишь красивая, дорогая, глупая кукла, живая игрушка, украшение его с таким трудом заработанного городского дома и высокого положения. Он никогда не остается на ночь. Придет пару раз в месяц, выполнит необходимый супружеский долг устало и равнодушно, будто очередную газету читает, и тут же уходит. И я даже знаю, к кому, знаю, что у него в одном только этом городе то ли три, то ли четыре любовницы намного моложе, жарче и красивей меня. С ними он, наверное, и ласков, и нежен, а я...

А что я. Кто я такая для него. Всего лишь выгодное денежное вложение, миленькая вещица, которой можно хвастаться перед многочисленными друзьями и знакомыми из высшего света. Все, что мне остается до конца моей никчемной, никому не нужной жизни, – это ходить на официальных мероприятиях рядом с ним, рука об руку, вежливо улыбаться, на людях не открывать рта и глупо хлопать накрашенными длинными ресницами. Он никогда не спрашивает о моих желаниях, интересах или проблемах. Вполне возможно, что он искренне считает, будто их у меня нет. Ему, сильней-

шему магу нашей страны, а может, и всего этого мира, главе рода, высокородному влиятельному герцогу, ближайшему советнику и правой руке Императора, это просто не важно. И не интересно. Мать всю мою юность, а до этого – и детство, учила меня, вбивая в голову: «Мужа своего надо почитать непременно выше всех возможных богов, только на него каждый день и молиться, только о нем всегда и думать и мгновенно, не заставляя ждать, исполнять любые его желания и прихоти». Я была послушной дочерью, и теперь, уже несколько лет живя отдельно от нее, каждый день вспоминаю преподанные мне уроки и изображаю из себя редкую говорящую зверушку.

Наверное, мне было бы намного проще, если бы я могла забеременеть и посвятить свою бесполезную жизнь воспитанию наших с герцогом детей, прилежно вкладывая в их головы основы поведения в приличном аристократическом обществе. Но годы идут, а этих детей всё нет. Конечно же, виновата я. А кто же еще? Нет, он никогда не говорит это вслух, он для этого чересчур благороден. Но подобная мысль читается в каждом его жесте, мимолетном или тщательно выверенном, когда он находится несколько минут в моей спальне. И мне каждый раз делается тоскливо и горько от осознания, что мой муж, могущественный, практически всесильный черный маг, не может иметь наследников из-за бесплодной жены. Из-за меня.

Через час я буквально силой заставила себя вынырнуть

из омота своей тоски и позвонить в колокольчик, вызвав таким образом челядь. Вошли те же горничные, моя личная прислуга, молча взяли под руки и помогли мне подняться, молча накрасили, повесили на меня корсет и бледно-желтое пышное платье, в волосы вплели искусственные цветы, шею украсили массивным аметистовым колье, пальца – фамильными перстнями мужа, показывающими его благосостояние и мою принадлежность его роду, и только потом со всевозможными почестями сопроводили к супругу, в нетерпении вышагивавшему по гостиной.

– Дорогая, ну наконец-то! Мы уже опаздываем! – И, не дав мне и рта раскрыть, муж подцепил мою руку, рванул меня на себя и буквально поволок по коридору к выходу, практически не заботясь о том, чтобы я успевала передвигать ноги. С таким же успехом он мог бы волочить мое бездыханное тело по полу. Впрочем, я уже знала его манеру обращения с собственной женой, поэтому проблем при передвижении не возникло, хотя к концу пути я уже начала задыхаться от чересчур быстрого для меня темпа ходьбы.

Большая удобная самодвижущаяся карета, новейшее изобретение и гордость моего мужа, в которой, в отличие от экипажей для среднего класса, даже не укачивает, вне независимости от того, по какой дороге вы едете, уже стояла у ступеней. Обстановка в ней радовала глаз любого, даже самого утонченного аристократа: столик из редких пород дерева с разными алкогольными напитками в хрустальных гра-

финах, высокими бокалами и дорогими сладостями, выложенными на золотые блюда посередине, два ряда удобных высоких кресел, оббитых темно-синей парчой, в каждом по четыре сиденья, по бокам. Супруг усадил меня в одно из таких кресел возле столика, сам сел напротив, небрежно щелкнул пальцами, и карета, подчиняясь магическому приказу, плавно покатила вперёд.

Муж потянулся к одному из графинов, уверенным движением налил себе полный бокал прохладного шипучего напитка янтарного цвета, отправил в рот парочку засахаренных миндальных орешков и равнодушно отвернулся к окну, наблюдая за проплывающим мимо так хорошо знакомым городским пейзажем. Мне он по своему обыкновению ничего не предложил: сладкое было мне нельзя из-за и так постоянно расплывавшейся фигуры, а от вина, что плескалось сейчас в его бокале, мне, из-за особенностей моего организма, быстро стало бы плохо.

Сегодня в театре давали «Фейри и Эльфа», великолепную оперу гениального Ориенлара, музыканта с эльфийскими корнями, жившего в позапрошлом веке, в современной постановке маэстро Лонерини, тоже, как поговаривали великосветские сплетники, принадлежавшего к одному из эльфийских семейств. Несчастливая взаимная любовь двух совершенно разных существ, которые не могли быть вместе ни при каких обстоятельствах, показывалась на прекрасном фоне живописных лесных и речных картин. Причем маэстро, в

отличие от многих его предшественников, ставивших раньше это произведение, использовал в своей работе магические иллюзии, что позволяло зрителям не просто оставаться обычными наблюдателями, а самим становиться активными участниками разворачивавшихся на их глазах жестоких событий.

Вечер, как обычно, не удался. Впрочем, что и следовало ожидать. Супруг, как и положено главе богатого и влиятельного рода, чинно сидел в ложе во время оперы, в антракте, взяв меня галантно под руку, медленно прогуливался в фойе, периодически раскланивался со знакомыми аристократами и откровенно скучал. Изредка я замечала те жадные взгляды, которые он тайно бросал на звонко смеявшихся неподалеку от занавеса нескольких дам полусвета, и с тоской понимала, что ему, несомненно, хочется быть там, возле них, а не рядом с опостылевшей безмозглой куклой-женой.

В молчании вернулись домой. Холодность между нами была уже привычной и не давила на меня с такой силой, как в первые годы нашего брака. Муж сдал меня на руки горничным и ушел, как обычно, непонятно куда. Наверное, к одной из своих многочисленных любовниц. На глаза навернулись слезы от горечи и незаслуженной обиды. Захотелось рыдать. Но я не могла себе и этого позволить. Я ведь герцогиня. Никто не должен видеть меня в слезах. О, боги! Как же все надоело! Как хочется умереть!

Ирина:

Бр-р-р... Приснится же такое. Вот же муть. Тут даже моя постоянная депрессия испуганно заткнется и покрутит пальцем у виска. До такого мы с ней еще не дошли. А мужчина, кстати, ничего так, симпатичный. Хотя по повадкам типичный нахальный самец, влюбленный в себя законченный безмозглый эгоист. Терпеть не могу подобных типов. Ладно, пора наконец вставать. Работа зовет, чтоб ее.

Накинув на себя легкий шелковый халатик, едва прикрывающий колени, ворча сквозь зубы, недовольно вылезла из уютной, так и манящей еще поспать постели и обула мягкие, с помпонами в виде зайцев домашние тапки (вот оно – преимущество жизни одной, можно хоть в медведя вырядиться, никто и не заикнется о твоём психическом здоровье). Теперь топаем в ванную. Хорошо, что она всего в паре комнат от спальни. Умывшись и накрасившись, на этот раз, ради разнообразия, ну и чтобы поднять себе настроение, используя косметику ярких, практически ядовитых цветов, я отправилась в свою по последнему слову модернизированную кухню, в которой никогда не готовила ничего сложнее тостов и фруктового салата, выпила кофе с заранее купленными тремя заварными пирожными, плюнув на свою тщательно лелеемую и годами создаваемую идеальную фигуру, отточенную в дорогих спортзалах и фитнес-центрах. Какая, блин, теперь может быть разница, если я уже почти что старуха??? Тридцать лет!!! Так, Ира. Вот тебе болт. Забей. Не о том думаешь,

совсем не о том. Всё? Стало легче? Поела? Подняла глюкозу в крови? Отлично. Сейчас сработает гормон счастья. Пусть и на несколько минут, но тебе станет хорошо. Уже стало? Значит, одевайся.

Вышла из кухни, шаркающей походкой восьмидесятилетней бабушки-божьего одуванчика медленно прошла через столовую и библиотеку. А вот и гардероб.

Целая комната выделена под хранение одежды и обуви – все известных модельеров или же сшиты на заказ у престижных частных портных (есть у меня такая слабость иногда – радовать себя эксклюзивной, хорошо сшитой одеждой). Зашла, постояла, критически оглядело свое богатство, немного подумала, потом решительно сняла с плечиков элегантный женский костюм (черные брюки и пиджак, белая блуза), на ноги – темно-синие модельные туфельки на высоком каблуке из чьей-то новомодной последней коллекции. Надо бы сегодня с утра к секретарше заглянуть, она сразу скажет, кто дизайнер. Да запомнить и больше никогда не покупать: жуть как неудобны в носке.

Теперь в лифт и вниз, на подземную стоянку, к машине. И уже через несколько минут шикарный, полностью тонированный, черный ламборджини (да, я люблю этот цвет!) нёс меня по гудящему, как разоренный улей, огромному, никогда не засыпающему городу. А вот и моя родная фирма с ненаглядными сотрудиичками, чтоб им всем чихалось почаще. Ну что, улыбаемся и машем?

– Доброе утро, Ирина Николаевна! С прошедшим Днем Рождения! – Артем, парковщик машин. Высокий, хорошо сложенный, хоть и не в меру накачанный – он что, живет в качалках? – довольно миленький шатен с большими синими глазами из какой-то там Дальнезабугорной Хацапетовки, отличается непомерно высокими амбициями, глупыми желаниями и умом амебы. Приехал покорять пару лет назад город-миллионник. Пареньку всего лишь двадцать, а он уже возомнил себя крутым голливудским мачо и супербогом в одном флаконе: постоянно строит мне глазки, машет длинными черными, как у девицы, ресницами и играет рельефными мускулами, наивно надеясь стать альфонсом и приживалом. Уволить его, что ли, чтобы не зарывался?

– Ирина Николаевна, вы великолепно сегодня выглядите! С прошедшим Днем Рождения! – Катенька, младший менеджер. Вечно сюсюкающая и заискивающая с начальством и коллегами расчетливая миловидная стервочка двадцати двух лет от роду, среднего роста, из-за чего комплексует и постоянно носит высоченные каблук и шпильку, худая, как жертва Гестапо, с длинными ногами, растущими чуть ли не изо лба, такими же длинными загнутыми ресницами, явно наращенными – и не жалко же ей себя – и мелированными белыми, будто седыми, волосами. Короткая серая юбочка, из-под которой, при каждом нагибании девушки видны бикини, и яркий оранжевый топ с глубоким вырезом. Вечный тестостерон своего отдела. И зачем, спрашивается, вообще

одевалась? Лучше бы сразу голая на работу пришла. Хоть на одежде сэкономила бы. Молодая еще, зараза! Мечтает поскорей пробиться наверх, как минимум в мои замы, а там и меня подсидеть. Ну-ну.

– Доброе утро! Ирина Николаевна, ваш костюм от Юдашкина просто великолепен! С днем рождения! – Максик, милый смешной мальчик, симпатичный, невысокого роста, с волосами, черными, как моя затянувшаяся депрессия, чуть полноватый, но молодость пока скрадывает этот его недостаток, всего лишь восемнадцать лет от роду, чей-то протеже, а может, даже скорее всего, и любовник; стремится уже через год-полтора усесться в кресло начальника IT-отдела, благо, платят там в разы лучше, чем на его нынешней должности, а пока лишь этакий постоянный подай-принеси у всей фирмы. В голове пусто, будто в полном вакууме, зато в глазах навечно застыл современный кассовый аппарат. Дурачок. Это не Юдашкин. Это Ив Сен Лоран. Впрочем, тебе-то откуда знать.

– О! Ирина Николаевна, какие туфли! Это же последняя коллекция Москино! Шикарно смотрятся! С прошедшим вас! – Так. А вот это ценная информация. Спасибо, Аннушка. Недаром я тебя держу в секретарях. Значит, этого самого Москино больше не покупать.

О небо! Как же устали щеки от этой надоевшей улыбки! Когда же этот сумасшедший день закончится??? Подарки и презенты от подчиненных собраны приличной высокой гор-

кой в дальнем углу кабинета. Надо бы на яд проверить. Вдруг кто постарался, решил пойти по стопам Медичи. Да, знаю, шутка глупая. Но вот не верю я в их искреннюю любовь ко мне, тем более выраженную лишь раз в году.

Что, ресторан? Какой еще ресторан??? Самый модный в этом городе, хоть и недавно открывшийся? Откуда он вообще появился в моем расписании? Ах, подарок от постоянных партнеров... Ну да, ну да. Партнерам, конечно, сегодня отказать никак нельзя. И где там мой ламборджини?

Вечер запомнился мне плохо: кто-то говорил долгие и нудные тосты в мою честь, кто-то тщетно пытался, пока я сижу рядом во хмелю, выдавить из меня согласие на какие-то непонятные и не выгодные фирме контракты, даже бумаги на подпись подсовывал, там же, за празднично накрытым столом. Угу, разбежалась, аж три раза. Я это еще в свои двадцать, даже в дупель пьяная, научилась пресекать. Ела я мало, как-то совсем не хотелось. Больше пила, причем старалась не мешать напитки – завтрашний рабочий день еще никто не отменял.

Домой я добралась только поздно ночью, не чувствуя ни рук, ни ног, ни остального своего многострадального тела. Закончив наконец гулять вместе с партнерами, кое-как погрузилась в собственное авто и потом мчалась, утопив педаль скорости в пол, по пустому ночному городу, просто молясь, чтобы остановили гайцы: так хотелось поругаться, выпустить наконец пар. Не повезло. Даже в этом не повезло.

До дома я, к своему невероятному удивлению, доехала без приключений. Видно, не время помирать, не берут меня там, на небесах, в свою вечную юдоль грусти, значит, надо как-то смириться с фактом своего тридцатилетия и постараться жить дальше... Вот только зачем...

Раздевшись и приняв наскоро душ, завалилась спать.

Ирма:

Этой ночью мне снился необычный красочный сон, оставивший после себя ощущение реальности всего происходившего в нем: яркие, часто мигающие огни огромного иностранного города, громко жужжащего, будто раздраженный пчелиный улей, жуткие, быстро мчавшиеся многочисленные чудовища на улицах, куда-то постоянно спешившие измененные люди и сумасшедшая, еще молодая, властная женщина с отвратительным настроением и тоской в душе, одетая довольно необычно, прямо как мужчина. Я почему-то была в её теле и внимательно наблюдала за её жизнью её же глазами. Она запросто общалась с мужчинами любого возраста и социального положения и командовала ими, словно они были ее личными рабами. И что самое необычное: они, свободные люди (ошейников на них я, сколько ни приглядывалась, не увидела), без возражений ей подчинялись и выполняли разнообразные её приказы.

Утро... Терпеть не могу утро... Оно приносит мне боль и разочарование... И в этот раз, как обычно, мои личные гор-

ничные в строго определенное время без малейшего стеснения зашли в мою комнату, аккуратно разбудили меня, сразу же, еще сонную, посадили в огромную ванную, наполненную горячей водой, практически кипятком, почти час тщательно мыли и скребли мое тело и умащивали мою кожу ароматическими маслами, затем пришел личный раб и массажист супруга и долго разминал мои непослушные мышцы, а я старалась не завывать от непереносимой боли под его сильными опытными руками.

Потом те же горничные облекли меня в очередное шикарное розовое платье в форме трапеции с длинными рюшами и воланами повсюду, предварительно зашнуровав в узкий, полностью мешающий дышать и двигаться корсет, профессионально накрасили, уложили мои длинные густые темно-русые волосы в мудреную высокую прическу, модную в этом сезоне среди высокородных дам, намертво закрепив их несколькими заколками-невидимками, и я сама себе стала напоминать молочного поросенка, долго томившегося на небольшом огне в духовке, а потом с особым тщанием выложенного на блюдо и залитого сладким яблочным соусом, с узкими дольками экзотических фруктов по бокам.

Наконец мучительный, но необходимый каждодневный ритуал был завершен, и мне позволили спуститься к завтраку вниз, в обеденный зал, где уже ждал меня мой супруг для ритуальной совместной трапезы.

– Как ты спала, душа моя?

Дежурный вопрос, как тот же утренний ритуал, заданный с постоянной ленью и грацией сытого породистого кота. Полное безразличие в голосе. Ему даже это не интересно. И мой дежурный, вполне предсказуемый ответ, этакое клише:

– Благодарю вас, ваше сиятельство, я спала глубоким спокойным сном.

Почему-то рассказывать мужу о том, что мне снилось этой ночью, мне совершенно не хотелось. Незачем. Еще заинтересуется и пожелает залезть мне в голову, конечно же, не спрашивая моего согласия. Мало ли что он может там прочитать и увидеть.

Ели, как обычно, молча (в этом доме большинство действий производилось молча): я – легкий фруктовый салат в неглубокой позолоченной тарелке, которым и первый голод утолить было сложно, не то что наесться, он – жареную отбивную с кровью и острой приправой (запах доносился даже до меня, сидевшей на другом конце длинного обеденного стола), выложенную на широкое блюдо и украшенную по традиции свежими сезонными овощами.

Завтрак подошел к концу. Пришедшие горничные отвели меня в малую гостиную, куда буквально сразу же впорхнули мои безмозглые фрейлины и активно начали обсуждать последние сплетни при дворе Императора. От их трескотни у меня уже через минуту сильно разболелась голова, но приходилось сидеть с приклеенной улыбкой и терпеть всю эту великосветскую чушь, ибо таково было желание моего му-

жа – каждодневное длительное общение с дамами, равными мне по образованию и социальному положению, чтобы я, его супруга, ни в коем случае не скучала в одиночестве. И опять он не соизволил поинтересоваться моими желаниями.

Вот и конец моим мучениям. Теперь можно с помощью слуг подняться наверх, позволить подошедшим горничным меня раздеть и рухнуть без сил в постель. Теперь до обеда меня никто не будет беспокоить...

Ирина:

Тихо шифером шурша... Нет, явно пора к психологу. Или как он там называется? Психотерапевт? Психиатр? Нет, последнее, по-моему, уже не из той оперы. Как бы то ни было, то, что мне уже вторую ночь снится эта непонятная чушь с продолжением про закомплексованную бабу-амебу и её подробные душевные переживания, как-то совсем ненормально. Вот же... Святая мученица. Ну вот что ей стоило хоть раз в жизни взятии и проявить характер, например, выгнать этих болтавший дур, фрейлин, из комнаты? Или неожиданно наорать на мужа, сбив с него таким образом всю спесь и вернув ему нормальный человеческий облик? Тпру, Ира, тебя явно занесло не в ту степь. Сегодня наконец-то долгожданный выходной, а ты все еще лежишь в постели и сама с собой обсуждаешь действия этой великовозрастной идиотки.

В моей жизни лишь две сильных страсти: лошади и мотоциклы. И каждую неделю я стараюсь их чередовать. Сего-

дня, например, я еду в свой любимый байкерский клуб. Его постоянные участники знают меня уже лет пятнадцать, не меньше. И для них я просто Ирка, девчонка, не побоявшаяся усесться на мотоцикл одного из них в дальней юности просто потому, что ей понравился тот «мощный железный зверь». Они при разговоре со мной не оценивают мой внешний вид и не пытаются произвести на меня впечатление, чтобы получить желаемое, не манипулируют мной и не вызывают у меня чувства жалости и вины. Им все равно, сколько денег у меня на банковском счете. Они не выбирают слова, когда я рядом, и способны даже послать мое ненаглядное величество по матери в далекое пешее эротическое путешествие, если по дурости нарвусь. Рядом с ними я каждый раз отдыхаю душой.

Легкий завтрак: йогурт, мюсли, два банана. Обедать я буду в их компании, и там уже от мяса и пива никуда не денешься. Где там мой гардероб?

Старые потертые джинсы, видевшие меня еще студенткой, кожаная косуха, бандана на голову и любимый байк. Всё, теперь я готова пугать прохожих.

День откровенно удался, и домой я, после непрерывной трехчасовой гонки по шоссе, приехала поздно вечером, трезвая, голодная, уставшая, но невероятно довольная собой и жизнью. Теперь есть стимул работать в этой адовой фирме и дальше.

Ужин, состоящий из фруктов и несладкого чая, душ.

Пора спать. Время недетское.

Ну что, здравствуй, моя уже ставшая родной шиза. Давненько мы с тобой не виделись, дорогая. Интересно, что ты теперь мне покажешь?

Ирма:

Вечером пришел личный слуга мужа, мажордом Алекс, и официальным тоном уведомил меня, что мой супруг сегодня ночью пожалует в мои покои для очередного выполнения супружеского долга. Ответа или согласия от меня никто не требовал. Незачем. Меня просто поставили в известность. Как обычно.

Супруг появился глубокой ночью, когда я уже собиралась спать. Тихо скрипнула входная дверь, в комнату сначала вплыл большой магический шар, освещаая бледным желтым светом пространство, следом за ним зашел мой муж в расшитом золотом и серебром длинном парчовом халате. Скинув одежду прямо у кровати, он позволил мне несколько секунд полюбоваться его накачанным идеальным телом с ровным бронзовым загаром, а затем хлопком погрузил мою спальню в непроглядную тьму. В темноте он лег рядом на постель и стал шарить холодными руками под моей длинной ночной рубашкой. Мне было стыдно и неудобно, хотелось сжаться в комок и завить от страха и унижения, как всегда, когда он трогал меня. Но приходилось покорно лежать, изображать расслабленную супругу и терпеть его действия. Наконец все

закончилось. Одевшись при вновь возникшем магическом свете, муж ушел к себе, несильно хлопнула дверь, и только тогда я позволила себе тихонько, беззвучно заплакать.

«Вот же козел!» – пробормотал негодуяюще кто-то в моей голове. Я вздрогнула и испуганно сжалась. Он что, прислал лазутчика? Вселил его прямиком в мой мозг? За мной кто-то следит?

«Кто? – удивленно спросил голос. – Этот твой ненаглядный муженек, что ли?»

Не зная, как ответить, я кивнула и тут же осознала, что это было глупо. Но странный голос, видимо, и так все прекрасно понял, потому что невесело хмыкнул и успокаивающе произнес: «Не бойся, я, слава Богу, никак с ним не связана».

Не связана? Говорит о себе в женском роде? «Ты... женщина?» – отважилась спросить я.

«Угу, – пришел немедленно ответ. – И вот уже третью ночь наблюдаю за вашими непонятными отношениями. Телешоу «За стеклом», ночная смена, 18+, блин. Слушай, почему ты его на место не поставишь? Мужик явно совсем зарвался».

Она говорила уверенно и так странно, используя непонятные мне слова и выражения, что я сразу поверила в отсутствие любой связи между ней и моим мужем.

«Мама учила меня, что мужа надо почитать превыше всех богов», – заученно ответила я.

«И что, теперь безропотно терпеть все его издеватель-

ства? – язвительно поинтересовался почему-то разозлившийся голос. – Скажи честно, ты мазохистка?»

«Не знаю, – честно ответила я. – А кто это?»

На том конце вдруг закашлялись, словно голос внезапно поперхнулся чем-то.

«Это нехорошие люди, которые любят, когда им делают больно», – ответили мне наконец. Причем у меня появились ощущение, что моя собеседница стала относиться ко мне, как к наивному глупому ребенку. Странно, почему?

«Нет, я не люблю, когда мне делают больно, но муж – мой хозяин и господин. К тому же, он – сильный маг, и в его власти наказывать меня за любое непослушание».

Голос что-то ответил. Но я примерно поняла только одно слово, очень грубое, подслушанное однажды случайно в разговоре между слугами на конюшне.

«Ты ругаешься?» – удивленно уточнила я.

«Нет, гимны пою, – огрызнулся непонятный голос. – Слушай, ты и так в его руках. Он в любом случае может сделать с тобой все, что захочет. Так почему ты не сопротивляешься?»

«Не знаю, – повторила я. – Мама меня этому не учила».

На этот раз голос замолчал надолго. Я уже испугалась, что он совсем исчез, а было бы жаль, так как с ним мне не было тоскливо. Наконец меня спросили:

«Как тебя зовут, чудо ты в перьях, и сколько тебе лет?»

«Ирма, – послушно ответила я. – Недавно исполнилось тридцать».

Ирина:

Психолог, ау! Я уже давно твой клиент! Давай зови психиатра, и начинайте активно лечить меня на пару! Время пришло! Дожилаясь: во сне наставляла на путь истинный дурру, которой уже исполнилось тридцать, а ведет она себя как инфантильный ребенок. Нет, пора мне детей рожать. Пора. Будет кого воспитывать. Может, пойти на искусственное оплодотворение? Блин, вот же лезет в голову не пойми что. И главное, ее насилуют, причем собственный придурочный муж, а она при этом лежит, покорная, как овца! Так, Ира, тебя снова не туда повело. Это лишь сон. Да, дурной, да, сегодня ночью ты посмотрела практически жесткое порно с элементами БДСМ, но это сон!

Опять любимая фирма, опять постоянные, мало кому нужные консультации и нудные встречи, опять искусственная улыбка, появляющаяся на губах уже чисто рефлекторно, и мысленное пожелание всем своим неуступчивым клиентам долгой счастливой жизни. Где-нибудь в Антарктиде. За полярным кругом. Или, на худой конец, в Марианской впадине, на самом ее дне. Только как можно дальше от меня.

К концу рабочего дня я неожиданно поймала себя на мысли, что с нетерпением жду возможности лечь в постель и поскорей заснуть. Мне почему-то казалось, что та самая наивная тридцатилетняя Ирма снова появится этой ночью, а значит, я уже не буду одинока, пусть и только до утра. Приеха-

ли. Поздравляю, Ируся, девочка моя, ты это сделала: в реальности подруг нет, так ты во сне кого-то нашла. Бери над ней шефство и учи жизни...

Ирма:

На следующее утро мне по непонятным причинам вдруг стало плохо: жуткая слабость и ломота во всем теле, апатия, сонливость, усталость. Горничные, увидев меня в таком непривычном состоянии, сильно перепугались и немедленно убежали за моим мужем. Но его дома не оказалось, и вместо супруга проверить мое физическое состояние пришел домашний врач.

«А почему на нем ошейник?» – услышала я знакомый голос, пока мужчина осматривал меня.

«Так он же раб», – обрадовавшись, что снова могу с кем-то пообщаться, охотно ответила я.

«У вас есть рабство? – непонятно чему изумился голос. – Вот же варвары».

«Почему сразу варвары? – обиделась я на такую реакцию. – Мы вполне цивилизованные антонийцы. А рабы здесь есть только у богатых семей негоциантов и аристократов. Ведь никто не допустит, чтобы свободную женщину любого социального положения, когда ей нужна квалифицированная медицинская помощь, осматривал свободный мужчина! Это просто неприемлемо!»

Между тем осмотр закончился.

– Госпожа здорова, – с низким поклоном уверил меня врач и вышел из комнаты.

«Я фигею без баяна! Ирма, он же к тебе и пальцем не притронулся! Так, полюбовался чуток издалека, приличия ради, чтоб по шее не дай бог не получить за бездействие, даже рот открыть, как это обычно бывает, и то не попросил, пролепетал что-то неуверенно и сразу сбежал! А если ты чем-то серьезно больна и помрешь после его осмотра?!»

«А зачем ему ко мне притрагиваться? – не поняла я. – Он же раб, а не мой муж. Рабов специально обучают определять по внешнему виду, здоров или болен их хозяин».

«Дикари, – негодуяще фыркнул голос. – Здорова она, как же. А то, что тебе плохо и ты без сил в постели лежишь и встать с самого утра не можешь, уже ничего не означает?»

Что на это ответить, я не знала.

«Так, вставай сей же час с кровати. Подходи давай к зеркалу. Надеюсь, они у вас есть», – уверенно распорядился голос.

«Есть, – недоуменно уверила я собеседницу. – Естественно, есть. В любом богатом доме найдутся зеркала. Но для того чтобы встать, мне нужно сначала позвать личных горничных, а они не поймут мотивов моего поведения и немедленно доложат мажордому мужа, а тот – и самому супругу, и значит, мне придется все ему объяснять».

«Зачем? – не понял голос. – Для чего тебе кого-то там звать на помощь? У тебя что, собственных ног нет? Или ты

ходить не умеешь? Совсем разучилась под присмотром своих слуг? Давай, лентяйка, пошевеливайся, поднимай свою пятую точку и топай к зеркалу».

На лентяйку я обиделась, но именно эта не заслуженная ничем обида, как ни странно, придала мне решительности, и я рискнула самостоятельно спустить ноги с кровати.

Моя комната, как оказалось, была большая и широкая, с мягким и густым ворсистым ковром эльфийской работы на полу. На какое-то мгновение я даже растерялась, встав с постели, так неожиданно и незнакомо было пространство вокруг. Обычно его практически полностью занимали слуги и мои наряды, и я никогда особо не рассматривала окружающие меня вещи, не интересовалась мебелью, поставленной здесь. Все это просто было, причем еще задолго до моего заселения сюда, и я принимала это как данность, ни разу не задумавшись о перестановке или добавлении чего-то в уже готовый ансамбль. Сейчас же я словно проснулась от долгого сна и наконец отметила про себя, что в моих покоях, оказывается, есть два довольно вместительных глубоких платяных шкафа темно-коричневого цвета с различными вешалками для одежды и полочками для обуви, узенькая черная тумбочка неподалеку от кровати с тремя выдвижными ящичками, три удобных мягких кресла и два стула с резными подлокотниками и высокими спинками, очень миленький аккуратный столик для косметики с вазонами для букетов и разными банками/склянками для ухода за кожей, высокая этажер-

ка для комнатных цветов, сейчас почему-то пустовавшая, и небольшое окно, занавешенное темно-синими длинными и плотными шторами, прямо напротив постели.

Напольное зеркало, обрамленное золотой оправой, нашлось в самом углу комнаты. До него я кое-как добралась только через несколько томительных минут, огибая по пути кресла, стулья и столик, так как с непривычки идти самостоятельно было невероятно тяжело и совсем неудобно. Так и хотелось остановиться и с наслаждением опуститься на мягкий ковер, так заманчиво устилавший пол, немножко отдохнуть на нем, прежде чем продолжить свое необычное путешествие. Голос в голове постоянно громко ругался и раздраженно приказывал идти быстрее. Вот и зеркало. Наконец. Встав перед ним, я услышала очередной приказ:

«Рот для начала открой, чудо в перьях. Да широко, как будто петь захотела».

Почему именно чудо, да еще и в перьях, я не поняла, но рот послушно открыла, стараясь не замечать толстого рыхлого тела, расплывшихся черт лица и длинного носа, с детства ненавидимого мной именно из-за его размера.

«Ближе подойти, так. Прямо в зеркало смотри. Голову чуть запрокинь. Угу. Ясно. Язык высунь. Не «зачем», а делай, что тебе сказано. Понятно, теперь можешь возвращаться в свою постельку».

Ничего не понимая, я покорно дошла назад и через несколько минут с радостью улеглась в кровать.

«Ты врач?» – спросила я у замолчавшего голоса.

«Нет, – пришел ответ. – Но в медицине немного разбираюсь».

Как интересно. Женщина, разбирающаяся в медицине, пусть даже и немного. В моем мире это – нонсенс...

«И что посоветуешь мне сделать?»

Раздраженно:

«Дать по шее твоему обнаглевшему в конец ненаглядному супругу. Только ты все равно не меня слушаешься. Слушай, вы давно с ним женаты?»

«Скоро будет 8 лет».

Голос в голове присвистнул.

«Да уж. Это срок. И что, он все время себя так ведет?»

«Как?» – не поняла я.

«По-свински. Как эти дни, что я здесь».

Странные слова она выбирает для описания поведения моего супруга.

«Да, поведение моего мужа ни разу не менялось со дня нашей с ним свадьбы».

Негодующее фырканье, будто у кошки, которой намеренно наступили на хвост:

«Тогда мне ясно, почему ты такая затюканная».

Последнее слово я не поняла, и голос, почувствовав это, с усталым вздохом пояснил:

«Забитая, слова поперек никому сказать не можешь».

Что ответить на это, я не знала, но и боялась, что голос

вдруг исчезнет, и я снова останусь наедине со своими грустными мыслями. Поэтому рискнула:

«Я могу задать вопрос?»

«О, боже. Ну конечно. Спрашивай».

«Как тебя зовут?»

Голос удивленно хмыкнул:

«А я что, забыла представиться, да? Ну извини. Со мной такое бывает, пусть и иногда. Ирина. Лучше Ира. Недавно тоже исполнилось тридцать лет».

Ирина:

Так, срочно корректирую свои мечты, вношу необходимые изменения. На всякий пожарный, как говорится. Что я там хотела? Чтоб за меня все решали, а я лежала в кровати и в потолок поплеывала? Больше не хочу! Слышишь, Высший Разум? Мне такого счастья не надо! Я как-то привыкла сама себе быть хозяйкой! Бездумно плыть по жизни, как эта безвольная слабохарактерная Ирма, я точно не желаю!

– Ирина Николаевна, доброе утро! В приемной вас ожидает Семен Павлович.

Царственно кивнув Аннушке, я чеканю шаг по направлению к своему кабинету. Точно, главный бухгалтер, хитрый невысокий старичок, работающий на своем месте уже лет десять. Сидит и смиренно ждет. И что ему нужно на этот раз?

– Проходите, Семен Павлович.

И уже сев в кресло, секретарше через селектор:

– Аннушка, два кофе, пожалуйста.

Каждое, пусть и недолгое, общение с главбухом выматывает меня так, как ни одна, даже семидневная, загруженная рабочая неделя! Въедливый, занудливый тип, постоянно пытающийся обвести меня вокруг пальца! Нет, годы совместной работы его, похоже, ничему не научили... Он действительно до сих пор наивно думает, что я ничего в его области не соображаю!? Как же я устала!

С каменным выражением на лице зашла в личную уборную, вымученно вздохнула, прислонилась лбом к зеркалу и умело, со вкусом тихо выругалась сквозь зубы.

«Ира, ты снова ругаешься...»

Упс.

«Ирма? Ты что делаешь у меня в мозгах???»

Тихий довольный смешок:

«Ну ты же ко мне приходишь».

Логично.

«Как твоё здоровье?»

Неуверенно:

«Не знаю. Пришел муж, посмотрел на меня, сказал, что я должна спать, и я уснула».

Какой качественный гипноз. Деньги этому мужу на нем зарабатывать можно... А кстати. Получается, что общаться друг с другом мы можем только во сне? Очень интересно...

«И давно ты здесь?»

«Наблюдаю? С тех пор, как ты приехала на работу. Как ты приручила это чудовище?»

«Какое?» – не поняла я.

«Ну то, на котором приехала».

О чем это она? Хотя, похоже, поняла.

«А, так то машина. Это не живое существо, а обычный механизм. Что-то вроде той самодвижущейся кареты, в которой ты с супругом в театр ездила».

Изумленно:

«Но у вас же нет магии. Как оно тогда было создано?»

Действительно, как. Раз нет магии, то ходите пешком, дорогие товарищи, и живите в пещерах, закутанные в шкуры мамонтов с ног до головы. Наивное чукотское дитё.

«Техника, подруга, это всего лишь техника, высокие технологии, чтоб их».

Ответить Ирма не успела: в дверь уборной постучали.

– Ирина Николаевна, с вами все в порядке?

Вот же! Даже уединиться не дают!

День выдался чересчур загруженным, так что к вечеру я была, как высушенная на жарком южном солнце селедка. А ведь еще на свидание нужно идти. Небо, где были мои мозги, когда я так опрометчиво согласилась?!

«Ты пойдешь в этом???»

Доброе утро, страна.

«Ты снова спишь?»

«Да. Муж заставил. Сказал, я еще больна, а значит, мне

нужно как можно больше спать, чтобы выздоравливать во сне. Но, Ира, это же не платье для вечера!»

Я тяжело вздохнула. Все-таки трудно что-то объяснить человеку с другим менталитетом, тем более, если этот человек внезапно появился у тебя в голове из магического мира с порядками замшелого средневековья.

«У меня нет платьев в гардеробе. Вообще. Я их не ношу и не понимаю, как в них можно ходить, не убившись при этом. Да и времени тоже мало, буквально в обрез. По нашим пробкам еще надо успеть доехать до этого самого ресторана».

«Это вы так ресторацию называете? Ира, я, конечно, видела уже, что ваши мужчины мало спорят с женщинами и часто ведут себя так, словно они бесправные рабы. Но если ты настолько не уважаешь партнера, зачем встречаешься с ним?»

Мда. Какая гневная тирада. И от кого, от покорной бессловесной тихони. Куда я ключ от машины могла засунуть? А, вот он.

«Ирма, с чего ты взяла, что я его не уважаю?»

Так, заводим и выезжаем на эту бешеную дорогу.

«Иначе ты постаралась бы понравиться ему и поехала бы на встречу нарядная и отдохнувшая».

Слушайте, кто ее логике учил? Ведь и не поспоришь.

«Я тебе потом отвечу. Сейчас мне нужно вести машину. Не отвлекай меня, пожалуйста, разговорами. Иначе я попаду в аварию и могу серьезно пострадать».

Замолчала. Вот ведь. Тридцатилетнее дите. Хотя она, как ни странно, во многом права... Так. Куда там сейчас поворачивать?

А вот и ресторан: высокое двухэтажное здание в центре города. Хорошее заведение, приятное: обслуга вышколена, продукты свежие, блюда вкусные, сервис ненавязчивый. Вот только парковку бы нормальную им сделать и пару-тройку сообразительных парней-парковщиков нанять, чтобы клиенты таким делом не заморачивались, и все будет просто великолепно. Какое удобное место. Прямо напротив входных дверей ресторана. Оххх... Нет, я туда не пойду!

«Ира? Что случилось?»

Случилось? Она еще спрашивает!

«Я его пять лет не видела, и еще столько же не хочу!»

Недоуменное:

«Кого?»

Да, действительно. Она же совсем не в курсе моей разбитой личной жизни...

«Парня видишь мускулистого у входа? Вон того, да, что с платиновой блондинкой сосредоточенно о чем-то разговаривает? У нее еще ноги от ушей растут».

Уточняет:

«Высокий мужчина в вечернем смокинге? Вижу. – Пауза. И потом неожиданное. – Ты его любишь, Ира?»

Что ж она умная такая, а?

«Вот еще! Не дождется! И вообще, я уезжаю отсюда!»

И немедленно! Причем подальше от него!

«А как же свидание? Тебя ведь ждут».

Вот что она пристала???

«Ничего, переживет!»

Стоп. А зачем я завелась? Ведь можно... Где там мой самый ласковый тон?

«Ирма, солнышко, а ты не хочешь мне помочь?»

Удивленно:

«Как?»

Хороший вопрос. Просто замечательный. Надеюсь, ответ ей понравится, иначе ничего не сработает...

«Займи мое место!»

Пораженное:

«В каком смысле? Я не понимаю тебя...»

Ну вот что тут такого трудного? Ведь все проще простого!

«Я несколько лет назад любила посещать разные медитативные тренинги, это неплохо помогало расслабиться и забыть о повседневных стрессах. На одном из них меня учили, как сознание можно упрятать вглубь человека и руководить этим самым человеком, как куклой на шарнирах, извне. И у меня вроде даже как-то что-то получалось. Вот сейчас и проверим, что я запомнила с тех пор: стань мной на какое-то время, выйди вперед, на мое место, сыграй меня. Я же видела: ты отлично держишься на людях!»

Молчит несколько секунд, потом осторожно:

«Ира, ты здорова?»

Нет, и уже давно!

«Так ты не согласна? Хорошо, тогда я завожу машину и уезжаю отсюда!»

Ну и? Подействует шантаж?

«Не надо! Я... Я постараюсь... А если у меня не получится?»

Ой, мне б твои проблемы...

«Я всегда спишу это на свою вечную усталость, а мой кавалер, не зная меня, полностью поверит сказанному».

Колблется, но уже почти согласна:

«Хорошо. Договорились. Что нужно делать?»

Ура! Я это сделала!

«Ты на каблуках ходить умеешь?»

Недовольно фыркает:

«Обижаешь!»

Ладно-ладно, должна же я была спросить? Чего сразу в позу становиться-то?

«Отлично! Я сейчас выйду, закрою машину, потом прижмусь лбом к тонированному стеклу и крепко зажмурю глаза. Мне нужно всего пару секунд. Ты должна будешь почувствовать, как моя душа уйдет внутрь, сожмется, станет с горошину. Уверенно занимай ее место и веди себя так, как ведешь дома, с теми же аристократическими замашками. Моего бывшего зовут Славик. Нынешнего – Антон, или Тоша, ему второй вариант почему-то больше нравится. Это так, на всякий случай, вдруг захочешь по имени к ним обратиться».

Вперед, труба зовет!

Вышла, привычным уверенным жестом закрыла машину, положила ключ в темно-фиолетовый небольшой ридикюль, закрыла глаза и прижалась к лобовому стеклу. Как там нас учили? Полностью расслабиться, позволить мыслям исчезнуть, вообразить себя пушинкой, управляемой любимыми попутными ветрами. Вот, получилось! Я прямо почувствовала, как меня, мое «я» отодвинул в сторону кто-то другой, и этот кто-то начал управлять моим телом.

– Девушка, вам плохо? – паренек лет двадцати, видимо, один из работников этого ресторана.

И вот уже не я, а скромная Ирма обернулась и чуть рассеянно улыбнулась:

– Благодарю вас. Ничего страшного. Просто чуть закружилась голова.

– Ирина! Ну наконец-то!

Антон. Ирма это поняла тоже, потому что рассеянная улыбка превратилась в теплую, дружескую.

– Прости, пожалуйста.

Рука, поданная, чтобы помочь пройти к месту. Жест вышел настолько естественным, хоть ни разу не моим, что Антон, плохо знавший меня, не колеблясь, протянул свою, и нежные девичьи пальчики чуть задрожали, прикоснувшись к мужской ладони. Всё, мужик «поплыл». Вот как она это делает???

Тихий смешок на грани сознания:

«Не мешай».

«Молчу-молчу».

Уже даже мне интересно, что же дальше будет.

Они как раз заходили в ресторан, когда сбоку их окликнули удивленно и немного растерянно:

– Ира?

Слава. «Проснулся».

Я бы не смогла выдержать взгляд этих голубых, как нежные морские волны, глаз, в этот момент недоуменно рассматривавших меня в упор. Как минимум покраснела бы. Ирма же полуобернулась, немного небрежно кивнула, взглянув на мужчину, как на очередной одуванчик, выросший неподалеку от ее дома:

– Здравствуй, Слава.

И королевой всплыла в ресторан, оставив позади моего озадаченного бывшего и его раздраженную блондинку.

А хорошо идет на каблуках, уверенно, явно опыт большой. Вот они с Антоном подошли к высокому напольному зеркалу в коридоре, и мое альтер-эго ненадолго остановилось, якобы чтобы проверить, все ли в порядке. На самом же деле Ирма внимательно разглядывала мою внешность: высокая, стройная, немного накачанная брюнетка с короткими, уложенными волосами, правильным «римским» профилем, тонким носом и алыми, немного полноватыми губами. Из зазеркалья смотрели чужие, не мои, серые глаза. Даже немного жутко стало. Ведь мой цвет – зеленый.

Удовлетворенно кивнув, Ирма плавно повернулась к своему спутнику, несколько раз хлопнула покрашенными ресничками и очаровательно улыбнулась:

– Веди меня, мой герой.

Так, похоже, в ряду моих поклонников прибыло...

Стол у окна, забронированный для нас, сервированный с шиком, так, словно здесь ожидали приезда очередного высшего чиновника, рыбные и мясными блюда, дорогие вина, хрусталь и фарфор, ну и пустая, ни к чему не обязывающая светская беседа между двумя чужими людьми о погоде и пробках на дорогах. И внимательный, цепкий взгляд, буквально сверлящий спину. Была бы собой, сто раз обернулась бы.

«Да, он смотрит. Это нормально. Не думай об этом. И не отвлекай меня».

«Угу...»

– Ты не такая, как обычно.

Наблюдательный, блин.

Легкая улыбка на красных губах:

– В любой девушке должна быть тайна. Каждая из нас способна играть разные роли, в зависимости от настроения и желания. Тебе не нравится, какая я сейчас?

– Нет, что ты! Наоборот.

И дышит, словно загнанный лось.

Смешок в голове:

«Ира, не мешай! Я сосредоточиться из-за твоих коммен-

тариев не могу!»

«Прости, буду молчать».

– Могу ли я надеяться на продолжение нашего знакомства?

Что??? Какое продолжение??? Мы договаривались на одно, ничего не значащее свидание!

«Ира?»

Да вот щаз.

«Пусть лесом идет. Тем более, играть так, как ты, я не смогу».

Равнодушное:

«Поняла».

Томный взгляд из-под полуопущенных ресниц.

– Я дам свой ответ завтра. Пока же предлагаю просто насладиться сегодняшним вечером.

– О, конечно!

Глава 2

Не к добру людям исполнение их желаний.

Гераклит

Ирма:

Ира... Моя необычная новая знакомая, появившаяся внезапно из другого, чуждого нашему, немагического мира... Ее жизнь совершенно не похожа на мою. Она всегда вызывающе одевается, ярко красится, бесстрашно себя ведет, не боится высказывать в лицо свое мнение и никогда не интересуется мнением общественным. В общем, делает все то, от чего я просто прихожу в ужас и что мне всегда хотелось бы. Я втихомолку восхищаюсь ею и понимаю, что сама никогда не смогу жить так, как хочу. Мне этого никто не позволит: ни муж, ни общество... И от одной мысли об этом становится горько.

«И кто тебе сказал, что в такой жизни нет минусов?»

«Подслушивать нехорошо», – не боясь быть увиденной кем-либо в закрытой беседке, куда мои горничные меня вывели сразу же после обеда, якобы подышать свежим воздухом, я открыто улыбнулась.

«Да кто бы говорил, – фыркнула моя собеседница. – Серьезно, Ирма, минусов в моей жизни хватает. То же одиночество, зачастую – невероятное, ложащееся на душу, словно

тяжелое могильная плита, просто жуткое несбыточное желание, чтобы рядом был кто-то, кто сможет в одно мгновение решить за меня все мои многочисленные проблемы. А уж о вечном подхалимаже и лицемерии подчиненных, плюющих тебе в спину, я просто молчу».

«А зачем тебе кто-то? – не поняла я. – Ты ведь вполне самостоятельная женщина».

В ответ – долгий вздох.

«Ирма, какой ты, в сущности, еще ребенок. Ну даже если мы отодвинем в сторону великую и несбыточную мечту всех женщин о большой, вечной и чистой любви, то, поверь, от любой самостоятельности рано или поздно очень сильно устаешь. Знаешь, в моей стране некоторые женщины в шутку часто говорят о себе: 'Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик'. Так вот, мне элементарно надоело быть и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и все – в одном флаконе. Хочется банальной искренней, а не покупной заботы, чуткости, внимания. Я уж молчу о нежности, полном доверии и ласке. Хочется, чтобы если не всё, то многое решали бы за меня. Не понимаешь, да?»

«Понимаю, но не со всем согласна. Знаешь, если бы я была на твоём месте, я бы брала от жизни по максимуму и никогда не позволила бы никому решать за меня...»

«Ну в твоей-то ситуации это как раз и понятно. Такой жесткий прессинг, давление, то есть, не каждый выдержит. Слушай, не мое дело, конечно, но зачем ты с ним все это

время живешь? Разве у вас в стране нет разводов?»

«Почему нет. Есть. Для мужчин. Женщины не имеют права разводиться с мужем».

Нечто нечленораздельное, видимо, опять ругается.

«Боже, какое средневековье! Хотя там, как я помню, у женщин прав все же было больше. Варварство. Глупость. А если муж бьет? Издевается? Что тогда? Терпеть?»

«Да. Значит, так решили боги».

Недовольное фырканье, как у разозленной кошки:

«Прелестно... Вот нет у вас феминисток. Иначе запели бы ваши ненаглядные мужья высоким фальцетом, да на одну высокую ноту. Ладно, сменим тему. Объясни мне, солнце мое незаходящее, как теперь я должна от нового ухажера избавляться?»

«А он тебе что, совсем не нравится?»

Равнодушное:

«Неа».

Ничего не понимаю...

«Так зачем тогда ты пошла с ним на свидание?»

Смешок. Усталый и грустный.

«Ну хотя бы затем, чтобы дома в одиночестве не сидеть. Все разнообразие».

Я явно чего-то не понимаю...

«Странная причина».

Хмыкает:

«Обычная. Как у большинства женщин моего положения

и круга. Но не уходи от ответа, краса моя дивная. Как мне теперь от этого надоедливого ухажера избавиться?»

Дурацкий вопрос, как по мне.

«Не знаю».

Удивление в голосе:

«То есть, как – не знаешь? Ты же как-то общаешься с теми, кто тебе не интересен?»

Почему мне?

«Мужу. Не интересен мужу. Зачем мне с ними общаться? Я их игнорирую, предпочитаю не замечать, пропускаю мимо ушей всё, что они говорят».

Она опять чем-то недовольна.

«Класс. Своих интересов нет, живешь только мужнинами. Нет, здесь, к сожалению, игнорить никак не получится – он один из постоянных партнеров».

Сбоку послышались шаги: по усыпанной гравием садовой дорожке кто-то торопливо шёл.

«И кто там?» – с любопытством в голосе.

«Думаю, муж. Служанки так уверенно не ходят, а никто другой сюда не придет».

«Не слышно энтузиазма в твоём голосе».

В эту минуту в помещение действительно четким военным шагом вошел мой супруг.

– Душа моя, пойдём. Ты мне нужна на встрече. Посидишь с вышивкой, поулыбаешься.

«Живой картинкой поработаешь. Или мебелью. Добрый

дядя какой, слушай. И щедрый».

Ничего не ответив Ире, я покорно подала руку и позволила увести себя из беседки. Шли мы быстро, и к концу вынужденной прогулки я начала задыхаться.

«Спортом тебе надо заниматься, Ирма. И худеть. А то девочка красивая, но толстая и слабая».

Очень приятно это слышать...

«Спасибо за добрые слова...»

Устыдить Иру так просто точно не получится.

«Да завсегда пожалуйста. Обращайся. Помогу».

«Не сомневаюсь...»

Встреча проходила в кабинете мужа – темной мрачной квадратной комнате небольших размеров без окон, освещенной только двумя большими магическими шарами, висевшими под потолком и дававшими мутный желтый свет. Из всей мебели здесь были: большой грузный письменный стол из ценных пород дуба, со множеством отделений, запиравшихся магически, широкое удобное кресло для хозяина, оббитое бархатом с позолотой, и четыре крепких дубовых стула для посетителей с шелковыми накидками на сидениях, пара высоких шкафов, постоянно закрытых на ключ (в них муж хранил не особо важные бумаги и разнообразные магические амулеты), и высокое раскидистое древовидное магическое растение аурициус лораниус, стоящее возле большой железной двери и готовое в любой момент парализовать того, кто посмеет войти в комнату с дурными мыслями или на-

мерениями.

«В таком месте вышивать? Тут же ничего не видно! Склеп, а не комната! Он что, совсем тебя не бережет? Хочет, чтобы ты как можно быстрее ослепла?»

Ира негодовала и ругалась. Отвечать я на этот раз не стала: незачем себе душу еще больше травить. Я и так знаю, что муж мало думает о моем здоровье. Вместо этого, вежливо присев в положенном реверансе перед находившимися в кабинете тремя высокими пожилыми мужчинами-аристократами, собеседниками супруга, как примерная жена, сразу же уселась в дальний угол с мгновенно принесенной служанкой корзинкой для рукоделия.

Кто-то что-то говорил, о чем-то жарко спорил, что-то зачем-то доказывал. Я не вслушивалась. Всё равно в этом ничего не понимаю. Прилежно вышивая очередную ничего не значащую салфетку, которую, как и десятки других до нее, потом прислуга с поклоном заберет и небрежно положит на широкий пыльный подоконник в дальней комнате дома, я жалела только, что Ира, похоже, уже исчезла: голос в моей голове затих, я снова осталась одна.

Вот беседа закончилась, и все разошлись. Муж подал мне руку, помог добраться до малой гостиной и вернулся к себе.

«Как интересно...»

«Ира? Ты снова здесь?»

«А я и не уходила никуда. Слушай, а твой муж – тот еще “жук”. Хорошо он обдурил тех парней».

«Ты понимала, о чем они там говорили? Хотя что это я. Конечно, понимала. Ты же умная...»

«Не ной, радость моя. Ты тоже могла бы понимать, если бы приложила к этому хоть какие-то усилия. Обычная сделка купли-продажи».

Ирина:

Похоже, что я начинаю находить определенное извращенное удовольствие в своих необычных снах. Интересно, что бы сказал любой психолог, признайся я в этом? Отправил бы в «желтый дом»? Кстати о доме... Вот то, что Ирма – моя практически полная противоположность – это как? Знаково?

Нет, серьезно! Низенькая, круглая, как колобок, со слабыми, почти полностью атрофированными мышцами, тихая, забитая, вечно в длинных платьях-балахонах. Находка для любого домостроевца. И ведь у нее та жизнь, о которой я всегда мечтала, кроме чувств и детей, разумеется. Это что, добрый боженька решил таким образом развлечься, ткнул меня носом в мою с таким тщанием взлелеянную мечту и щедро предложил издалека полюбоваться на тихий ужас Темных веков? Или как там у нас та историческая эпоха называется, где у баб были ровно те же права, что и у рабов?

О! Вспомнила! У них же до сих пор рабство процветает. То-то я вчера понять никак не могла, о чем ее дражайший супруг договаривался. Вроде термины все знакомые, а реа-

лии странные. Он же рабов покупал, козел этакий.

Работа... Опять работа... Прямо как в том анекдоте: «... а во-вторых, ты же директор школы». Вот-вот...

– Ирина Николаевна, к вам Антон Валерьевич.

Вот что ему тут понадобилось, а? Если гора не идет к Магомету? И что мне делать? Я, как Ирма, сыграть не смогу. Ладно, надеюсь, он ступит и не заметит изменений.

– Ира! Как всегда, великолепно выглядишь!

Болтун. Как всегда. Так я и поверила. Ты видишь меня третий раз в жизни.

Моя улыбка не просто искусственна, она насквозь пропитана фальшью, словно старая шерстяная кофта – нафталином, но Антон, как тетерев на току, сейчас видит и слышит исключительно себя. Топ-менеджер в одной из постоянных фирм-партнеров с зарплатой выше моей в пару раз, несмышленный наивный золотой мальчик, решивший вместо привычных развлечений непонятно для чего заняться бизнесом и доказать всей своей родне, что и он в этой жизни на что-то способен. Полная противоположность Славке. Если тот – голубоглазый брюнет, серьезный, умный, накачанный, с правильными чертами лица и тонким чуть удлиненным носом, то этот – сероглазый шатен, самовлюбленный развязный балбес, смешливый драчун со сломанным в драках в двух местах носом и петушино-индюшиным вздорным характером. Может, я потому и пошла с ним тем вечером на наше первое свидание, что подсознательно захотела перемен: ведь все

мои предыдущие мужчины так или иначе были похожи на того, первого...

– Я так скучал! Мы ведь с тобой давно не виделись! Знаешь, я понял, ты – мой идеал! Как насчет ужина сегодня? Я знаю великолепный ресторан китайской кухни! Шеф-повар – мой хороший друг! Уверен, тебе точно понравится!

Мужчина, вы когда-нибудь заткнетесь? Видимо, нет. Что там у меня сегодня в расписании? А кстати...

– Тоша, милый, я бы с радостью, но как раз сегодня у нас совет директоров. Я, как ты понимаешь, обязана присутствовать.

И твой отец, дорогой мой мальчик, тоже там будет. Боже, ну вот почему я рядом с ним каждый раз чувствую себя умудренной жизнью циничной старухой? Мы ведь ровесники...

Гляди-ка, быстро потускнел. Видно, вспомнил, что кроме личной жизни, которой он постоянно наслаждается, есть еще и надоевшая всем до печеночной колики нудная работа. Ну вот что тебе еще надо, мальчик? Не видишь, взрослая тетька делом занята? Что? Завтра? Нет, завтра не пойдет. Вообще ничего никогда не пойдет, когда ты рядом. Но не посылать же тебя так сразу открытым текстом. Давай лучше послезавтра. Да, в том же ресторане. Нет, никаких роллов или суши. Ненавижу сырую рыбу. Тем более, с рисом. Да и вообще японскую кухню не перевариваю с юности. Да, конечно, ровно в то же время. Аривидерчи, малыш. О Небо, как он

мне надоел...

Ирма:

– Госпожа, – молоденькая служанка, беззвучно проскользнув в комнату, низко присела в реверансе, почему-то старательно пряча глаза. – Госпожа, ваш супруг приказал подогнать к подъезду карету и помочь вам одеться и спуститься.

Карету? Зачем? Мы куда-то собирались? Да еще и так рано утром? Почему мне никто не сказал, куда и зачем, не предупредил вчера вечером? Впрочем, муж часто ставит меня перед фактом, не соблаговолив сообщить о необходимой встрече или поездке заранее, я давно перестала обижаться на подобное отношение. Куклу в известность обычно не ставят, бессмысленно это. Вот потому я безропотно отдалась в руки прислуги, позволив нарядить меня в очередное розовое платье а-ля яркая трапеция, и потом воспользовалась ее помощью, чтобы сойти с лестницы и дойти до кареты, уже давно стоявшей у входа.

Дверца мгновенно захлопнулась, экипаж сразу же сорвался с места и стремительно понесся куда-то, вот только моего супруга внутри не было. И этот факт заставил меня насторожиться. Чтобы муж отпустил куда-нибудь меня одну? Невозможно. Кто-то, да сопровождал бы меня обязательно: не он сам, так доверенные лица, или слуги, на худой конец. Но тогда... Что происходит? Куда я еду? И почему одна? Впервые за долгие годы спокойной и беспроблемной замужней жизни

во мне проснулся настоящий страх перед неизвестностью. Я попыталась открыть дверцу, но та была заблокирована снаружи. На окна с той стороны кто-то опустил плотные железные жалюзи. Да в чем дело? Кто и куда меня везет?

Карета не просто ехала, она словно на крыльях летела, и такая скорость пугала меня еще больше неизвестности. Кем бы ни был мой муж, садизмом он не отличался. Сразу же после нашей свадьбы я сказала ему, что боюсь быстрой езды, и с тех пор мы никогда не ездили с подобной скоростью. Значит, точно не муж. Тогда кому я понадобилась? Теперь стало понятным, почему служанка постоянно прятала глаза. Она боялась, что я смогу что-то прочесть там, заранее понять их замыслы. Боги, куда же мы едем... Не скачем, а летим. И так долго... Наверняка уже и из города давным-давно выехали... Жаль, что я не умею управлять этим средством. Хотя, думаю, тут где-то должен быть кристалл, через который не магу всегда можно подать приказ об остановке или продолжении движения... Оххх... Тут действительно есть подобная розетка для кристалла, но она пустая. Кто-то вытащил это средство управления...

Я не знаю, сколько мы ехали и куда в конечном итоге попали. Устав бояться, я просто сидела и покорно ждала. У всего бывает свой конец. Вот я и ждала конца. Каким бы он ни был. Карета вдруг остановилась, да так резко, что я чуть не упала на пол. Дверца широко распахнулась, и мне на лицо тут же упала мокрая тряпка. А затем я потеряла сознание.

Ругань. Меня привела в сознание грубая площадная ругань, произносимая громким мужским голосом.

– Тяжелая, тварь. Разъелась на дармовых харчах муженька-то. А другим постоянно пахать надо, чтоб на жратву себе заработать. Все, мне надоело ее тащить. Давай бросим здесь. Никто ее тут не найдет, а она сама не вернется и скоро подохнет.

А затем – удаляющиеся мужские шаги. Тело нещадно болело. Было ощущение, что по мне за одну минуту быстро промчалась сотня карет. Казалось, во всем моем существе не осталось ни единого места, что не стонало бы от невыносимой боли.

А еще мне было невероятно холодно. Осень давно вступила в свои законные права, и в легком бальном платье на улице было совсем некомфортно. Я чувствовала, что начинаю покрываться гусиной кожей. Еще немного – и у меня начнется насморк. А там, действительно, и умереть недолго.

Набравшись смелости, я наконец открыла глаза. И тут же закрыла. Лес. Вокруг был темный густой лес. Куда они меня привезли? Зачем – уже понятно. Желают моей смерти, правда, непонятно, по какой причине, ведь врагов у меня, насколько я знаю, нет. Но вот куда? Выбраться отсюда? Нет, я не смогу. Я и по дому-то передвигаюсь исключительно с помощью слуг, а тут такой кошмар... Значит, буду читать отходную молитву и просить богов о скорой, максимально безболезненной смерти.

«Эй, ты что, помирать тут собралась? Ирма, твою дивизию, ты где и что вообще происходит?»

«Ира... Хорошо, что ты пришла... Мы сможем... сможем попроситься...»

«Ирма, я сейчас кому-то по шее дам! Причем больно и с оттяжкой! Что у тебя уже успело случиться за это время? Где ты? Открывай глаза, слышишь?»

Послушалась, открыла, хоть и очень не хотела. Раздался изумленный свист.

«И как ты тут очутилась, подруга?»

«Привезли. Не знаю, кто. Мужчины какие-то».

«Так. Сейчас вот стоп. Что значит «привезли»? Тебя кто-то выкрал из дома?»

Я почувствовала, что заливаюсь румянцем от стыда.

«Нет, не выкрали. Я сама села в карету...»

Удивленно:

«Э... Позвольте поинтересоваться, милая леди, за каким чертом вы сели в карету к похитителям?»

Вот что мне ответить?

«Дура, видимо, набитая. Потому только и села. Пришла какая-то служанка, сказала, что муж ждет меня в карете внизу, помогла одеться и спуститься...»

Опять ругается...

«Какая-то служанка. Детский сад ясельная группа. Ты что, слуг в собственном доме не знаешь? Ирма, я с тебя тащусь. Наивняк полнейший. Так, подъем».

«Зачем?»

«Затем, красавица моя, что ты сейчас будешь искать выход из этой чащи».

Я? Она так изощренно издевается, да?

«Я не смогу. Я... Мне даже ходить тяжело. Я...»

Раздраженно:

«Ирма, солнце мое, ты сейчас можешь рассказывать что угодно. Но при этом, пожалуйста, поднимай свою пятую точку и шагай. Ты мне еще живая нужна».

«Зачем?»

«Что за глупые однообразные вопросы!»

«И все же. Зачем я тебе?»

«Вот же... Ну хотя бы затем, чтобы Славку вернуть! А сейчас давай-ка: ать-два!»

Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой: мышцы лица тоже болели. Попыталась встать, но лежала я на спине, а подать руку, чтобы помочь, было некому.

«Жучок, барахтающийся в луже. Жалкое зрелище. Так, Ирма, давай мы с тобой сейчас повторим наш эксперимент, только теперь я займу твое тело. Давай, не трусь. Я, в отличие от тебя, умею выживать в нестандартных ситуациях».

Ирина:

Эта слоновья туша с центнер весом ходить не умеет. Со всем. Нет, я встречала в своей жизни множество и просто полных, и толстых, и даже очень тучных людей. Но они, ес-

ли, конечно, не были прикованы к кровати или инвалидному креслу, хотя бы умели передвигать ноги, знали, как это делается. Это же чудо...

«Будешь ругаться – вернусь».

«Я тебе вернусь, умнице такой! Иди давай! Движение – это жизнь. Блин, Ирма, ну нельзя же так! Тебя же должны были научить хотя бы ногами двигать».

«Зачем? Есть слуги, рабы».

Угу, есть, кто бы спорил.

«Да, действительно. И где они все сейчас, а? Где слуги? Где рабы? Молчишь? Правильно делаешь, что молчишь. Знаешь, если эти твои похитители решат вдруг вернуться и тебя добить, я ничего сделать не смогу, даже спрятаться: ты топаешь, как раненый слон. Как очень медлительный раненый слон. Мы с тобой, дорогая моя, за полчаса и пары километров не прошли!»

Это что еще за звуки впереди? Похоже, я накаркала, и кто-то быстро идет нам навстречу...

– Ирма, дорогая! Ты жива!

А голос-то очень знакомый. Тьфу ты. Муж. Это хорошо. Значит, моя миссия закончена.

«Ирма, вылезай. Ирма!»

– Ирма, милая, посмотри на меня.

«Ирма, ты что творишь? Возвращайся давай!»

– Ир...

Подбородок приподняли холеные мужские руки с длин-

ными, унизанными перстнями пальцами. В мои зеленые глаза уставились глаза тёмно-карие, цвета пьяной вишни.

– Ты не Ирма! Где моя жена?

Да что ж так орать-то? Я скривилась:

– Вот я бы тоже хотела знать, где носит твою благоверную.

Ирма, вылезай, все закончилось.

Внутри молчание. А вот обладатель карих глаз внимательно наблюдает за мной, будто решает, не пожертвовать ли супругой и не упокоить ли нас обеих прямо здесь, в лесу. А что? И могилка удобная вон там, под валежником, образовалась. И главное, никто ж и не найдет потом. А сами мы отсюда точно не выберемся.

– Кто ты? Демон?

– Ага, аж два раза. Обычная женщина.

Не поверил.

– Обычные так не разговаривают.

Да что ты говоришь? А как они разговаривают? Как твоя амеба-супруга?

– Хорошо, пусть будет драгоценная. Ирма, твою ж дивизию, вылезай на этот свет сейчас же! Я, вообще-то, не подписывалась общаться с твоим супругом!

Снова молчит. Да что ж такое!

– Как тебя зовут?

– Ирина. Можно Ира. А тебя?

– Вартариус.

– Варт, значит? Ничего так, стильненько.

Похоже, сокращение ему не понравилось. Вон как скривился. Будто десяток лимонов в один присест слопал.

– Что ты сделала с моей женой?

Шикарный вопрос. Логика, ты там где потерялась?

– Съела! Со всеми потрохами! Ирма, сейчас же вылезай, зараза ты такая! Слушай, она у тебя всегда такая упертая, или это мне сегодня повезло? Помогла, блин, на свою голову! Ирма!

«Он будет злиться... Я... Я боюсь его... Пусть дома...»

Что? Твою ж...

– Ты что, еще и бьешь ее???

Смотрит, как на буйно помешанную.

– Я к ней и пальцем не прикасаюсь!

Угу, видела я, как ты к ней не прикасаешься. Она потом полночи в подушку ревет.

– А что ж она так боится тебя, что возвращаться не хочет?

Изумление. Искреннее, причем. Такое не сыграть.

– Она меня боится?

А то ты не знал об этом.

– Именно. Сказала, что ты злиться будешь. А в голосе паника. Что ты делаешь с ней, ирод?

А вот теперь растерян.

– Ничего. Честью клянусь!

Честью, говоришь?

– Так, ладно. Я замерзла, пока тащилась по этому дурацкому лесу. У вас тут не лето, знаешь ли. Если эта красавица,

жена твоя, не хочет вылезать, значит, пока пойду я. Потом у меня прозвонит будильник, и ее тушка грохнется на землю.

Ирма угрозой не впечатлилась и появиться не соизволила, а вот ее муженек посмотрел недоверчиво. Впрочем, его проблемы. Мое дело – предупредить.

– Куда идти-то, Сусанин?

– Кто?

– Забудь. Это из моего местного фольклора. Так куда идти? Показывай давай.

Ирме повезло: я успешно дотащила ее тучное тело до ожидавшей нас у леса герцогской кареты и даже усадила в кресло. А потом действительно прозвонил будильник.

Ирма:

Я почувствовала, как уходит в свою реальность Ира, но возвращаться на свое место просто не захотела, в результате, как она и предсказывала, внешне все смотрелось, как продолжительный глубокий обморок. Мой муж, естественно, не обратил на это ни малейшего внимания: в течение всей нашей езды обратно он задумчиво, не отрываясь, смотрел в окно. По возвращении двое рабов по приказу супруга отнесли меня в постель, а сам он удалился к себе в комнату. Что ж, все это было вполне ожидаемо, только на душе все же очень тоскливо...

Как оказалось, вернулись мы ближе к вечеру, и я, умаявшись за день, уснула практически сразу же, как оказалась в

кровати.

Ночью я видела Иру, на этот раз ожесточенно спорившую о чем-то с группой пожилых мужчин. Они все вместе сидели за большим столом, изредка прихлебывали воду из хрупких белых стаканчиков и всеми силами старались доказать другу другу свою точку зрения. Видно, сказалась сильная физическая усталость вкупе с серьезным переутомлением, но пробиться к своему альтер-эго я не смогла и лишь с любопытством наблюдала за ее действиями со стороны.

Утром, выгнав горничных, неожиданно зачем-то пришел муж. Пришел и сел на кровать рядом со мной. Я, еще не до конца придя в себя после сна, не смогла сдержать эмоций, и он заметил мой страх. Недовольно поморщился:

– Эта странная женщина в твоём теле была права: ты действительно меня боишься. Почему?

Я была в растерянности, не знала, что ему на это ответить, поэтому просто молчала, упорно стараясь смотреть куда угодно, только не на своего богами данного супруга.

– Ирма, объясни: в чём дело? Я тебя не бью, ты вольна в своих решениях, тебе практически ничего не запрещается. Так почему, ради всех богов, ты меня боишься?

Похоже, ему действительно была неприятна эта тема, но рассказать ему всего я не могла, просто не была в состоянии. Он все равно бы не понял. Ничего не понял бы.

– Так, хорошо. Ты не хочешь говорить. Пускай. Я тебя не заставляю. Оставим это. Что вчера произошло? Ты поче-

му-то не спустилась к завтраку, твои горничные в страхе метались по всему дому и не способны были сказать ничего путного. Я смог найти тебя только по той «следилке», что поставил на тебя сразу же после нашей свадьбы, и то лишь через довольно длительное время. А когда нашел, оказалось, что в твоём теле находится другая, чуждая сущность, которая, насколько я смог понять, тебя и спасла. Поэтому сейчас я хочу узнать, что именно случилось с тобой вчера?

Я рассказала. Эта тема была безопасной, и я в подробностях описала и внешность служанки, и её поведение, и карету, в которой меня везли, и речь мужчин, тащивших меня, и даже то место, из которого вышли мы с Ирой. Супруг слушал и хмурился все больше:

– У нас нет такой служанки. Ирма, неужели ты не знаешь, кто служит у нас в доме?

Ира была права... Я действительно не знала всех слуг в этом доме. Его доме.

– Простите, Ваше Сиятельство...

Он растерян и раздражен.

– За что? Молчишь? Хорошо, пусть так. Что было в тебе в тот момент, когда я вас обоих встретил? Кто она?

Рассказать об Ире?

– Женщина. Обычный человек, но из другого мира. Ирина. Ира. Ей тоже тридцать лет. Там у себя, в своей стране, она занимает высокий пост и командует большим количеством людей. Семьи у нее нет.

– Исчерпывающий ответ. Что она делала в твоём теле?

– Я... Я не знаю... Мы с ней общаемся последние несколько дней, когда одна из нас спит...

– Несколько дней, говоришь... Так... И ты за все это время ни разу не сказала мне об этом?

Он недоволен... Я инстинктивно втянула голову в плечи. И муж тут же нахмурился:

– Прекрати. Я ведь не бью и не наказываю тебя. Я просто хочу знать, почему ты промолчала.

Как ему это объяснить...

– Я... Я побоялась... побоялась, что вы её изгоните... и я снова останусь одна...

Он молчал долго, очень долго. Потом внимательно посмотрел на меня. От его взгляда мне снова стало страшно. Он это понял, но на этот раз глаза не отвёл.

– Ирма, тебе одиноко?

Не смея лгать, я кивнула.

– Почему же тогда ты молчала?

Опять... Опять то же самое. Те же непонятные вопросы. Ему они важны, а я... Я ответить не могла. Мне было страшно. От испуга я разрыдалась. Он встал и вышел из комнаты, первый раз за все годы брака сильно хлопнув дверью.

Ирина:

Утро добрым не бывает, это знает каждый, кто ходит на работу. Опять те же лица, надоевшие до зубовного скрежета.

А он действительно красавчик, этот черный маг. Эффектный такой мужчина: высокий, статный аристократ с правильными тонкими чертами лица, не особо худой, но и не толстый, как говорит Карлсон: «В меру упитанный мужчина в полном расцвете сил». И мускулы под тонкой сорочкой отчетливо просматриваются. Только по всему видно, что сволочь первостатейная. Ему в НКВД работать надо. Ну или КГБ, например. Сам будет допросы вести и признания выбивать. Да и приговоры исполнять тоже сам будет. С большим удовольствием. Никому это милое дело не доверит. Ударник труда, блин. Хотя жену он, похоже, действительно жалеет. Не любит, нет, этот вряд ли любить может, если только самого себя, да и то, когда крутится перед зеркалом, но по крайней мере жалеет. И по-своему заботится о ней. Как о дорогой бессловесной фарфоровой кукле.

«Он приходил. Спрашивал о тебе».

Да вы ж посмотрите, кто появился!

«Ирма, что ты тогда устроила???»

Покаянно шмыгает носом.

«Прости. Я действительно его боюсь. До дрожи».

Это я уже поняла.

«Почему?»

Неуверенно:

«Не знаю. Он... Он жестокий. Очень. И страшный. Не внешне, нет. В душе».

– Ирина Николаевна, подождите одну минуточку! Подпи-

шите, пожалуйста!

– Катенька, сколько можно повторять? Все бумаги на подпись отдаете моему секретарю, меня не беспокойте. Всего хорошего.

«Она тебя ненавидит. Так посмотрела тебе вслед... Глаза у нее были злыми».

«Тю. Нашла, что нового рассказать. Это та еще гадюка. Змея подколотная».

«Тогда зачем ты ее держишь?»

«А чтобы развлекала. Да и серпентарий надо иногда палкой шевелить. Это забавно».

Задумчиво:

«Знаешь, Ира, мне кажется, вы с моим мужем в чем-то очень похожи...»

Вот и кабинет, теперь можно сесть и вытянуть ноги. Пусть и под столом.

«Ну спасибо, очень лестное сравнение!»

«Не обижайся...»

Хорошо-то как!

«А ты хотя бы иногда думай, что говоришь. Я такой, как твой дражайшей супруг, никогда не стану. Жестокости не хватит. Что он там спрашивал-то?»

«Он назвал тебя сущностью. Спрашивал, почему я о тебе ему не сказала».

«А ты?»

Тихо и измученно:

«Расплакалась...»

О, правильный выход для любой женщины из любого затрудненного положения.

«Молодец! Шикарный ход!»

Так, а вот и Аннушка. Кругленький гламурный колобок двадцати пяти лет, одетый в легкое ситцевое летнее платье, выгодно подчеркивающее все ее немаленькие формы, подкатил к моему столу, привычно держа в правой руке свою извечную толстенную коричневую папку.

– Ирина Николаевна, документы на подпись. С вами хочет переговорить Всеволод Аркадьевич. Он на второй линии.

– Соедини.

К вечеру голова привычно гудела от многочисленных разговоров, разнообразных встреч, принятых и отмененных решений; мысли скакали весело и беспечно, как голодные пьяные блохи, да и самой больше всего хотелось напиться и забыть обо всем. Приехав домой, плюнула на привычный распорядок дня, налила себе виски и чокнулась со своим отражением в зеркале.

Да, Ирочка, умничка ты – пьешь сама с собой. Так и спиться недолго. Забыла про близких родичей: деда по матери, Ивана Кузьмича, отправившегося по какой-то своей пьяной прихоти поздней осенью после веселой гулянки за дровами и замерзшего в сарае, дядьку, Владимира Сергеевича, поспорившего после пол-литра с друзьями, что переплывет широкую бурную реку ради десяти бутылок водки, и утонув-

шего в этой самой реке, двоюродного брата Митьку, по пьяни решившего ночью полихачить, выпендриться перед ребятами, и свернувшему себе шею на мотоцикле? Тоже хочешь такую или похожую судьбу? А сто грамм виски все-таки хорошо расслабляет. Уже и жизнь не такой гадостью кажется. Так, где там моя обожаемая подушка?

Ирма:

После ухода супруга на меня с новой силой навалились усталость и тоска. Горничные ко мне не заходили, наверное, опасаясь мужа, и я сама не заметила, как снова провалилась в сон.

Ира, как обычно, была неотразима и очень уверена в себе. Отчитав меня за мое трусливое бегство, она окунулась в бурлящий водоворот бесконечных дел и встреч, и я только диву давалась, как у нее на всех хватает сил и выдержки.

Горничные меня разбудили ближе к обеду, но на этот раз в привычном мне распорядке дня появились некоторые изменения. Муж сообщил, что занят и к столу в этот раз не выйдет. Мне он приказал подать еду в комнату, так как я, по его мнению, была чересчур слаба после вчерашнего происшествия.

Действительно, у меня очень сильно болело всё мое измотанное и избитое тело. Даже несколько шагов по комнате в сопровождении служанок были словно кара небесная. Не знаю, по какой причине, но супруг, обычно лечивший все

мои возможные недомогания, в этот раз предпочел сделать вид, что не заметил тяжелого состояния жены. Надо сказать, я не противилась: мне не хотелось сегодня никуда выходить. Лежать в мягкой и теплой постели было намного приятней походов по длинным лестницам, коридорам и залам.

Мне приготовили суп на воде, легкий фруктовый салат и несладкий компот. Есть это было невозможно даже после сильного голода, но я все же заставила себя проглотить все поданное. Потом меня вновь оставили в покое, и я блаженствовала до вечера.

«Лентяйка. Ты что, весь день так валялась?»

«У меня все болит...»

«Ирма, не доводи до греха. Вставай и начинай заниматься. Хотя бы просто по комнате походи. Вчера была потрясающая физкультура, а сегодня ты снова лежишь. Ты ж снова салом зарастешь».

«Сил нет».

Продолжить разговор нам не дали: горничные привычно внесли на серебряном узорчатом подносе мой ужин: стакан кефира и два пресных печенья.

«Это что??? Только не говори, что ты это ела весь день!!!»

Ну почему же именно это...

«Нет. Я не завтракала. На обед у меня были суп на воде, фруктовый салат и несладкий компот».

В ответ понеслись совершенно незнакомые мне и явно нецензурные выражения.

«Он тебя убить хочет? Нет, ты мне скажи, кто так жену кормит???»

Не пойму я ее...

«Ты же сама говорила, что я толстая...»

Долгое молчание, а потом ласковый такой тон, словно с душевнобольной разговаривает:

«Ирмочка, солнышко мое ненаглядное, если ты так все время питаешься и совсем-совсем не двигаешься, ты до старости точно не доживешь. Нет, я понимаю, может, у него такой хитрый план: уморить тебя голодом, чтобы наконец иметь возможность жениться повторно, но ты-то себя пожалей. Ты же так скоро ноги протянешь».

Несколько секунд сосредоточенно обдумываю сказанное. Потом уточняю:

«Так а что мне тогда делать?»

«Есть нормально и физкультурой заниматься. Оставь в покое этот ужин дистрофика. Вылезай из постели и начинай приседать и наклоняться. Не «не могу», а делай, что сказано. Ирма, ну вот кто так слезает. Тебе ж живот мешает. Таракан ты беременный. На бок ляг. Не спать! Я с тобой не затем во-жусь, чтобы ты храпака здесь давала. Легла? Умница. Теперь на локоть обопрись и приподнимись. Так. Теперь сядь. Молодец. Ну а теперь и с кровати можно слезть».

Под мудрым руководством Иры я очень скоро самостоятельно спустилась со своих перин и встала на полу.

«Отлично. Сначала наклоны. Ноги раздвинула на ширину

плеч. Да, вот так, правильно. Теперь начинай наклоняться в разные стороны. Не так. Корпусом. Ну... Почти правильно... Вот. Еще раз. Умница. Ладно, теперь приседай. Руки вытянула вперед, на ногах держись. На ногах, я сказала! Ирма!»

Да, я упала. Поскользнулась, не смогла удержать равновесие и... Грохоту было...

«Поздравляю, подруга. – Мрачно прокомментировала недовольная Ира. – Теперь сюда сбежится весь дом».

Ирина:

Ирма лежала на полу и тихо постанывала, напоминая мне выброшенного на берег толстого старого кашалота, больного сразу и одышкой, и астмой, вокруг нее суетились прибежавшие на шум многочисленные растерянные слуги, а я, никого не стесняясь, ругалась и ждала. Очень скоро в коридоре послышались уверенные мужские шаги. Ну-ну. Сейчас будет самое интересное...

Он зашел. Встал снаружи возле дверей. Произнес всего одно слово, но зато какое!

– Вон.

Как он это сказал. К проходу тут же рванули все. Даже Ирма испуганно дернулась. Нет, ну какой мужчина, а? Самец просто. Гамадрила или орангутана.

Легкое движение руки – и многокилограммовая туша, носившая звание его супруги, с пола сама переместилась в по-

стель, в свою любимую позу, пузом кверху.

– Ирма, что случилось? Почему ты не позвала слуг?

Хороший вопрос. Да не молчи ты.

– Я... Простите, Ваше Сиятельство...

Нет, этот человек явно не умеет мимику скрывать. Вон как его перекосило от обыкновенного вежливого обращения.

«Ирма, ты опять со всем своим весом на его больной мозоли потанцевала?»

– Ирма, ты слышала, что я сейчас сказал? Почему ты не отвечаешь? Или, – пронизательно так, – ты не одна? Эта женщина, Ирина, она здесь? Позови ее.

«Ирма, не смей! Я каждый день общаться с твоим мужем не подписывалась! Ирма!»

Вот же. Предательница.

– Ира?

И как догадался-то. Умник.

– Какая у тебя жена послушная. Когда ей это надо. Абдулла! У тебя ласковые жёны! Мне с ними хорошо!

Не понял. Стоит моргает. Филин сонный.

– Не бери в голову. Это мой местный фольклор. Что ты хотел?

Смотрит, как палач на уже выбранную жертву.

– Что ты делала с моей женой?

Он совсем больной на голову?

– Прости? Я? А может, ты? Что ты с ней делаешь? Кто ж

так с человеком обращается?

Хмурится:

– Я тебя не понимаю. Она на всем готовом живет. Что не так?

Он вот сейчас издевается, да?

– Не так? А то, что она не двигается и заплывает жиром от бездействия, а то, как ее кормят? На этой еде прожить невозможно! Сам-то что ешь?! Мясо с кашами, небось?

О! Глядите-ка на него. Мы-то, оказывается, и смущаться умеем, когда нам надо!

– Но она молчит! Её все устраивает!

Отличная отговорка. Сказал – и сразу все довольны.

– Угу, конечно. Устраивает. Боится она тебя, вот и подчиняется. Слова поперек не скажет. Трусиха.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему она меня боится?

Они что, оба-два, сговорились?

– Ты у нее спросить не пробовал? Мне-то откуда знать?

Отводит глаза.

– Спрашивал. Она или молчит, или рыдает.

«Ирма? Ирма, голосок подай, бриллиантовая моя. Что значит, «не знаю, как ему объяснить»? С мужем, вообще-то, разговаривать надо, хотя бы изредка, а не упорно в молчанку играть, чудо ты мое безголосое».

– Слушай, а чем ты занимаешься?

Нет, а что я не то спросила? Что так тарашиться-то? Глазки ж из глазниц вывалиться могут.

– Она тебе не рассказывала?

А должна была?

– Что не рассказывала? Сказала, что ты маг. Она, похоже, и имени твоего не знала, пока ты не представился мне в лесу. Все «муж» и «муж». Ну или «супруг».

Ох. Язык мой – враг мой.

«Прости, Ирма. Я его, похоже, все-таки довела. То ли до бешенства, то ли до инфаркта, еще не поняла. Вон как позеленел весь, словно лист стал. Банный».

– Меня зовут Вартариус! Я – советник Императора и главный маг в этой стране! Черный маг!

Упс... А патетики-то сколько...

– Черный маг – это младенцев режешь? Ну тогда понятно, почему она тебя...

Ой. Он теперь не зеленый. Он теперь серый. "А если его стукнуть, он станет фиолетовым в крапинку!"

«Ирма, солнце, я тебя обрадую: он скоро коньки отбросит. Будешь богатой вдовой».

– Ты хочешь сказать, что в твоём диком мире черные маги убивают детей???

Шикарный вывод. А логики-то...

– В моем «диком мире» нет черных магов. По крайней мере, настоящих.

Так, все, мне пора. Да здравствует будильник.

Глава 3

Чего ты дожидаясь? Исполнения всех желаний? Такое время не наступит! Такова цепь желаний: одно родит другое.

Сенека

Ирма:

Они общались друг с другом, словно хорошие старые знакомые. И Ира его не боялась. Совсем. Даже несмотря на то, что он – черный маг. Это было очень необычно для меня. И что самое удивительное – он терпеливо сносил ее панибратский стиль общения, никак не пытаясь наказать за сказанное. А потом Ира исчезла. Он это мгновенно почувствовал и требовательно уставился на меня:

– Я жду, Ирма.

Я вздрогнула:

– Чего, Ваше Сиятельство?

Супруг недовольно передернул плечами:

– Как у тебя это получается? В твоих устах мой титул звучит, как форменное издевательство. Ты действительно не знала, кто я? Не помнила моего имени?

Зачем он задает такие вопросы? Для чего ему знать это? Что мне теперь отвечать? «С мужем надо разговаривать», – вспомнились мне недавние слова Иры, и я решилась:

– Мне никто никогда не называл ни вашего имени, ни вашей должности.

– Что за чушь? – нахмурился муж. – Я еще не впал в маразм и прекрасно помню, как представлялся твоим родителям.

Я и не говорю, что не представлялись...

– Вполне возможно. Но они не видели никакого смысла сообщать это мне...

Он изумлен:

– То есть как? Они должны были сразу после моего сватовства подробно объяснить тебе, кто станет твоим мужем, затем спросить твоего согласия и обязательно удостовериться, что ты не против моей кандидатуры. Таков закон!

Он это серьезно?

– Меня просто поставили перед фактом.

Не верит. Смотрит, будто я намеренно его обманываю.

– Мартиус ранос дорт Ведернес – старший судья в нашем государстве. Ты хочешь сказать, что в своей семье он не придерживается им же самим одобренных законов?

Я... Я ничего не хочу сказать... Меня вообще учили, что при муже надо побольше молчать и поменьше разговаривать, так как его мое мнение интересовать не будет...

– Вы об отце? Я... Я не знаю, правда. Просто рассказываю, как тогда было...

Что? Что я не так сказала? Почему он не меня так странно начал смотреть?

– Отец тебя бил?

Я вспыхиваю и отвожу глаза. Мне трудно об этом говорить. Я не хочу вспоминать.

– Ты потому меня и боишься, вздрагиваешь от любого моего движения, что думаешь, что я тоже буду тебя наказывать за любую провинность? Боги, Ирма, это же нонсенс! Я за всю свою жизнь ни разу не поднял руку ни на одну женщину!

Откуда мне знать? Мать всегда учила меня, что мужчина – бог в своей семье, что он может делать все, что пожелает. Не понимая, почему, я говорю это мужу и вижу в его глазах изумление.

– О, Небо. На дворе 34-й век от всеобщей свободы, мы живем в просвещенной Антонии, а не в варварской дикой Рамии, и что я слышу сейчас от своей жены??? Ты что, все годы нашего брака жила, следуя этой глупости??? Мужчина – бог! Ирма, я хоть раз за все время совместного проживания дал тебе малейший повод меня бояться??? Нет??? Так почему же ты все это время молчала???

Он старается говорить спокойно, но я вижу, что он раздражен, что разговор ему неприятен. Я не знаю, что ответить. Единственное, что я могу, это попросить:

– Простите, Ваше Сиятельство.

Он снова хлопает входной дверью...

Ирина:

Да, нормальная зарядка в этот раз, увы, не удалась. Ну и

ладно, подумаешь. Зато продуктивно пообщались с великим и могучим черным магом. Самомнения и наглости у него выше крыши. А вот чувства юмора, похоже, в помине нет. Или он совсем не ждет от своей жены шуток, поэтому и тупит постоянно?

Привычные чашка кофе и пара тостов, несколько яблок в пакет, и можно ехать на работу.

– Ирина Николаевна, к вам Антон Валерьевич.

У меня дежа-вю. Вот что ему еще понадобилось, если встречаемся мы только вечером?

«Соскучился».

О!

«Привет безвинным жертвам тяжелого физического труда! Слушай, Ирма, пообщайся с ним, а? А то я не сдержусь, отправлю его... бабочек ловить».

Тихий смешок, и встречает обнаглевшего папенькиного сынка не бизнес-леди Ирина, а тихая скромница Ирма.

– Ирочка, я скучал!

Повторяетесь, молодой человек.

– Доброе утро, Тоша.

И глядит так, будто перед ней давно обещанный долгожданный десерт вроде шоколадно-клубничного мороженого. Вот же... Соблазнительница-тихоня...

«Ирма, ты что, бандитка, делаешь??? Ты мне партнеров развращаешь! Он же сейчас весь пол слюной закапает!»

«Ты развлекалась, теперь я хочу».

Ну и кто она после этого???

– Ирочка...

Смотрите-ка, и говорить стал тише, с каким-то особенным придыханием. Вот что это такое? Устроили здесь полигон для испытания новейших поз из Кама-сутры.

– Тоша, что-то случилось? Мы ведь договаривались увидеться этим вечером.

– Я подумал – зачем тянуть. Время сейчас раннее. Может, позавтракаем?

Угу, а потом сразу же и поужинаем. И вообще не будем до завтра из постели вылезать. Мечтатель.

– Буду рада, – и глазками так хлоп-хлоп. Кокетка. А он уже и на задние лапки встал. Вон как дверь сразу же галантно открывает. Хорошо хоть, не зубами.

– Аннушка, я задержусь немного, – и походкой от бедра на выход. Да уж, пусти козла в огород...

«Блин, Ирма... Ты чем занимаешься сейчас, а? Мужики все вон челюсти на пол пороняли. Мне ж теперь собственные сотрудники проходу не дадут!»

Наставительно:

«Мужское внимание должно льстить женщине».

Умная, да?

«Да что ты говоришь? А как мне потом с этими озабоченными работать?»

Нет, этот вопрос моему альтер-эго, похоже, совершенно не интересен...

Между тем эти голубки вышли на стоянку. Антон всю дорогу так и вертелся юлой возле своей спутницы, стараясь предугадать малейшее её желание.

– Ирочка, прошу. Мой «зверь» в короткое время довезет нас, куда нужно.

Села. Она села в чужую машину. Да, пусть это лексус, но это не мое авто!

«Ирма, а возвращаться я как буду?»

Похоже, вопроса она не поняла.

«Так же. Очень удобно, кстати».

Зараза.

«Что это?»

«Где?»

«Эти звуки...»

Прониклась, да?

«А... Это тяжелый рок. Привыкай, подруга. Он только это и любит в музыке».

– Тоша, ты слушаешь это? – и в голосе разочарование и обида, как у ребенка, которому пообещали вкусную конфету, а подсунули пустую обертку.

– Ирочка, тебе не нравится? Сейчас выключу.

Ты смотри-ка. Действительно мгновенно выключил. Крепко же она его на крючке держит, если от любимой музыки так быстро отказался.

– Спасибо, милый. – И многообещающая улыбка.

«Ирма, он за рулем, вообще-то. Не отвлекай парня. А то

врезаетесь во что-то. Будет бо-бо».

«Прости. Забыла».

В общем, завтрак прошел весело: Ирочка, ты это будешь? А вот это? Ирочка тебе точно удобно? Ирочка, тебе не ду-ет? Ирочка – то, Ирочка – се. А Ирма все это время сидела королевишной, мягко улыбалась в ответ на большинство во-просов и предложений и благосклонно принимала мужские знаки внимания.

Проблемы появились уже в конце свидания, когда в ре-сторане вдруг возник, словно из-под земли вырос, Славик. На этот раз, видимо, ради разнообразия, один. Он что, сле-дит за мной?

Подошел, склонился над Ирмой, невежливо проигнори-ровав мгновенно набычившегося Антона:

– Доброе утро. Ира, нам нужно серьезно поговорить.

И хозяйским жестом отодвинул стул, давая возможность выйти из-за стола. Ирма благоразумно осталась на месте, только недоуменно взмахнула ресницами:

– Доброе утро, Слава. Не думала тебя здесь встретить.

И все так спокойно, равнодушно, будто не с бывшим воз-любленным беседует. Мужчины нахмурились оба.

– Ира, кто это? Вы знакомы?

– Это? Тоша, позволь тебе представить моего бывшего любовника...

«Вячеслава»

– ... Вячеслава. Слава, это Антон, мой парень. Извини, но

мы сейчас заняты.

Это лицо. Вот жаль, у меня фотоаппарата под рукой нет, или видеокамеры. Я бы на память сняла, хотя и так вряд ли забуду, заодно и всем знакомым показала бы. Самоуверенность, решительность, твердость – все слетело сразу, как шелуха от семечек. Красавец и спортсмен стоял растерянный, снова и снова широко открывая рот, и не знал, что предпринять: его бывшая возлюбленная мило щебетала с другим, только что четко обозначив его роль в своей жизни: бывший любовник. Да еще и полное имя забыла.

Ирма:

Мне было очень весело. А еще я впервые в своей жизни чувствовала себя желанной, хотя и понимала, что смотрит Антон не на меня, а на Иру, и видит перед собой именно ее ухоженное тело и лицо. Но я запретила себе думать об этом и просто наслаждалась и поездкой в машине, и неспешной беседой, и завтраком в ресторане. Появление бывшего Иры внесло нотку пикантности в нашу встречу. Нет, я не расстроилась. Наоборот. Теперь Антон поймет, что его женщина желанна не только им. И не только он добивается ее.

Славик мне не понравился. Слишком груб, прямолинеен и неотесан. Странно, что такая изысканная женщина, как Ира, смогла когда-то влюбиться в него. И, похоже, давние чувства все еще тлеют под налетом времени.

Из-за загруженности мужа завтракали мы сегодня доволь-

но поздно, и у меня было достаточно времени, чтобы поваляться в постели, предаваясь воспоминаниям.

Завтрак на это раз довольно неожиданно порадовал меня неполной тарелкой жидкой каши, пусть пока и овсяной, небольшим куском мягкого сыра и двумя паровыми котлетами, совершенно пресными и несолеными. Что ж, хоть так. Но отбивная в ресторане в мире Иры все равно была вкусней.

– Милая, как ты себя чувствуешь? – На этот раз в голосе моего супруга появились эмоции: что-то, хоть и отдаленно, но похожее на настоящее беспокойство.

– Благодарю, Ваше Сиятельство, сегодня – намного лучше.

Я ни капли не солгала. Мне действительно было лучше: мышцы болели уже не так сильно, да и встать с кровати я могла уже без посторонней помощи.

Мужа мое обращение не устроило, но при слугах он не стал меня поправлять.

– Я зайду к тебе после завтрака.

Зачем? Что ему у меня понадобилось? Я же обычно провожу это время со своими фрейлинами...

«Ирма, не трусь. Может, он просто поговорить хочет».

«О чем..?»

«Ну мало ли. Ты, например, уже знаешь, кто пытался тебя убить? Нет? Вот и тема для беседы».

Ира ошиблась. Но уж лучше бы она была права.

Позавтракав, я позволила горничным отвести себя на-

верх. Там с меня сняли платье и помогли надеть домашний шелковый халат с глубоким вырезом и длиной чуть выше колена, в котором мне и надлежало ждать мужа.

«Ирма, прекрати трястись. У вас с ним совсем недавно была ночь любви. А ты сама говорила, что чаще одного раза в месяц он у тебя не появляется. Так что глубоко вдохни и успокойся».

Супруг пришел через несколько минут, внимательно посмотрел на меня, покачал головой и спросил:

– У тебя есть что-то более приличное?

Все, что я смогла сделать, – это похлопать глазами на такие слова. Ира внутри хмыкнула:

«Правильно говорит, между прочим. Твой халат – сплошная порнография. Не совращай мужика».

Не дождавшись моего ответа, муж измученно вздохнул, что-то пробормотал под нос, и на постель упал... спортивный костюм очень большого размера.

– Я сейчас позову слуг. Они тебя переоденут.

– Не надо. – Я сама нее поняла, как эти слова вырвались у меня. Отчаянно покраснев под удивленным взглядом супруга, я опустила глаза и пробормотала:

– Я сама могу...

Муж пожал плечами:

– Хорошо, я подожду в коридоре.

Переодевание заняло какое-то время, но я все же справилась, пусть и с помощью Иры.

Вот уже несколько минут я усердно пыталась заниматься физкультурой, старалась тщательно выполнять все приказы мужа, слушала все, что он мне говорил, но выходило не очень.

Удостоверившись, что я переоделась, супруг открыл портал и перенес нас на какой-то полигон, уставленный непонятными мне устройствами, по которым и начал меня гонять.

У меня не получалось, муж нервничал, хоть и не показывал этого, Ира давала советы, но я просто не знала, что и в какой последовательности выполнять.

«Ирма, ну вот кто так прыгает? Ты же все кости себе переломаешь. В прыжке надо группироваться, а не валиться мешком с соломой. Так, все ясно. Уйди. Дай я побегаяю».

– Ира!

«Вот же обормот. Быстро все понял».

Остановившись возле мужа, подруга поинтересовалась, пока еще вполне мирно:

– Да? Слушаю внимательно.

В ответ – обвинение.

– Зачем ты ей помогаешь? Она должна выполнять все сама!

Вот теперь уже Ира задиристо прищурилась, явно собираясь высказать моему супругу все, что о нем думает:

– Варт, вот ответ мне честно: каким именно способом ты собрался отправить ее на тот свет – голоданием или непо-

мерной физической нагрузкой? Да нас в университете так не гоняли, как ты ее сейчас!

Удивленно:

– Ты училась в университете?

Подруга фыркнула:

– Представь себе, да. Я вообще девочка, не по годам умная и образованная, это многие замечают, правда, не всегда успевают соответствующе отреагировать. Но не уходи от ответа, пожалуйста. Как именно ты ее хочешь угробить? Варт, она всю жизнь лежала и ела. Плюс изредка массаж. Да с такой нагрузкой она не встанет ни завтра, ни послезавтра.

Мой муж досадливо нахмурился:

– То есть, ты считаешь, что ей это еще рано? Но меня учили именно так!

– Не знаю, кто и чему тебя учил, но твоя жена такого обращения с собой точно не выдержит.

Ирина:

Выходной! Какое сладкое заветное слово! Я все-таки дожила до него! На сегодня, к сожалению, обещали сырость и дождь, так что байк отменяется. Зато у меня есть лошади.

Впервые на конюшню я попала в одиннадцать лет: жила у тетки, родной маминой сестры, в селе летом, и вместе с тем самым двоюродным братом, что потом пьяным разбился на мотоцикле, интереса ради пошла с ним в местную конюшню. Брат приятельствовал с конюхами и частенько бывал там. Я

же тогда очутилась в этом дивном мире впервые и влюбилась в него навсегда.

Лошади. Стройные, красивые, величавые животные. Именно в то лето деревенские конюхи научили меня держаться в седле, тогда же я начала ездить на этих прекрасных длинноногих созданиях и поняла, что никогда не смогу их разлюбить. С годами моя страсть только окрепла.

Иметь в городе лошадь нельзя, а вот бывать на конюшне пару-тройку раз в месяц – очень даже можно. Конюхи меня уже знали, я приезжала в костюме для верховой езды, брала своего каурого Ричарда с длинными пушистыми ресницами и мягкими ласковыми губами и могла часами наслаждаться ездой.

Сегодняшний отдых удался на все тысячу процентов: обещанного дождя так и не было, а вот несильный прохладный ветерок и темные тучи на небе сбили летнюю жару, так что я не боялась запечься и вся отдавалась общению с Риччи.

Домой я приехала, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела. Зато удовлетворение от прошедшего с пользой дня и радость, оставшаяся после общения с лошадью, просто переполняли меня.

Теплый душ, стакан кефира, и можно ложиться спать.

– Ты уверена, что здесь мы можем говорить спокойно?

– Конечно. Эта дура нас точно не услышит: она всегда храпит по ночам без перерыва.

– Ладно. Что она сказала?

– Что одна провалившаяся попытка еще ничего не значит. Нам надо потрудиться, если мы хотим заработать эти деньги. Её нужно вывезти из дома и убить где-нибудь по-тихому.

– Как, интересно?

– Ты же знаешь, что это только наши проблемы. Арк и Стэн говорят, что больше не хотят иметь с ней дело: ее пока оттащишь, спину себе сорвешь. А кого-то другого привлекать опасно – могут сдать. Так что давай думать. На все у нас дня три, не больше. Потом он снова придет к ней, и она хочет уже тогда его утешить.

Дверь за заговорщицами закрылась, голоса затихли. Какая интересная информация.

«Ирма, ты спишь?»

«Уже нет. Ира, кто это был?»

«Хороший вопрос. Видимо, кто-то из твоих служанок приходил. Меня больше интересует сейчас, по чьей инициативе они хотят тебя убить. Так. Падай».

«Что?»

«Перекатывайся на постели и падай на пол. По-другому мы твоего мужа не дозовемся, а он здесь и сейчас ой как нужен. А как упадешь, передавай контроль мне. Ты все равно нормально с ним поговорить не сможешь».

На грохот упавшего тела через несколько секунд сбежались практически все домочадцы, а вслед за ними практически сразу пожаловал и сам господин великий черный маг. Странно, а что это он в спортивной одежде? Не спал, что ли?

В такое-то время? Очень интересно...

Выгнав прислугу, герцог магией поднял жену на постель и первым же делом заглянул ей в глаза.

– Ира. Конечно. – Красивые полные губы чуть презрительно скривились. – И почему я не удивлен. Чем вы тут занимались? Опять зарядку делали?

– Нет, – хмыкнула я, ничуть не огорченная подобным «теплым» приемом со стороны «великого и ужасного мага и советника императора». – Думали, как твою ненаглядную супругу от наемных убийц уберечь. Ты в курсе, что ее и в доме достать хотят?

Варт изумленно вскинул брови:

– Откуда такая информация?

– Да вот, услышали несколько минут назад один необычайно интересный разговор двух местных служанок. Очень уж им деньги нужны. А за Ирму, похоже, неплохо платят. А кстати... Ирма, солнышко, ты знаешь, сколько у твоего мужа любовниц в этом городе? Не уверена, но думаешь, что пять? А не многовато?

Красивое мужское лицо исказила недовольная гримаса. Я с трудом сдержала усмешку: да уж, как же, непонятно кто подумал усомниться в его мужской силе. Позер.

– При чем здесь это? Тебе не кажется, что это личное и тебя уж точно не касается?

– Не касается, естественно. Хоть двадцать пять пусть будет, – легкомысленно пожала я плечами. – Тебе с ними во-

зиться. Я понять хочу, кто из них задумал твою жену убить. Очень уж кому-то хочется на ее место прыгнуть.

– Что за чушь? Любовницы, если ты еще не поняла, как раз и появляются в дополнение к жене!

– Да что ты говоришь? То-то в моем мире эти дополнения готовы пойти на многое, чтобы на месте законной супруги оказаться. Хочешь сказать, у вас здесь женщины другие, не умеют ни чувствовать, ни желать, ни добиваться поставленной цели? Да, еще вопрос: ты к кому-то конкретно намылился через три дня, или просто гулять по бабам пойдешь, как тот кошак мартовский?

– Твоя речь, – скривился герцог. – Ты говоришь сейчас, как будто выползла из грязной вонючей подворотни.

Потом смысл моего вопроса все же дошел до Его Сиятельства, и мужчина запнулся.

– Илзе? Ты хочешь сказать, что это она задумала убийство? Глупости. Не может такого быть. Она мне постоянно твердит, с самой первой нашей встречи, что уж куда-куда, а в жены не хочет, что привыкла к свободному образу жизни.

– Угу. И ты, конечно, купился. Ничего я не хочу сказать. Это служанки здешние твердо уверены, что у них осталось всего лишь три дня, чтобы заполучить деньги, а потом тебе понадобится утешение у одной крайне расчетливой и хитрой особы. Так что думай, Варт, кто тебе в этой ситуации дороже: супруга или одна из твоих куколок.

Ирма:

Меня пыталась убить любовница мужа... Вернее, одна из них... В сознании эта информация упорно не желала укладываться, но интуиции Иры я верила безоговорочно. Боги, какая невероятная глупость. Зачем это той женщине? Что у нее вообще в голове? Мужчины-аристократы в нашей стране своих любовниц всегда брали исключительно из рядов шикарных малообразованных дам полусвета: швей, белошвейек, актрис, певичек, цирковых акробатов и прочего разного обслуживающего персонала экстра-класса. Ни один уважающий себя аристократ, даже давно полностью разорившийся, никогда, ни при каких обстоятельствах не женится ни на одной из них, пусть даже и по нелепой случайности невероятно богатой. Это не просто дурной тон. Это... Ну как если бы человеку предложили сочетать себя узами брака с домашним любимцем: хомячком, собакой или кошкой. Потискать животное можно, приласкать – тоже. Но жениться на нем? Бред полный. Ни в одном храме жрецы ни за что не пойдут на такое нарушение всеобщего закона. Да и в общей государственной метрике данная брачная запись просто не появится: боги ни в коем случае не допустят подобного необычайного мезальянса.

Муж ушел из дома рано утром, предварительно отдав прислуге четкое указание не заходить ко мне в комнату без моего на то приказа. Я такого приказа не отдавала, так как никого видеть не хотела, и все время или лежала в постели, или

пыталась делать зарядку так, как меня учила Ира. Получалось, правда, не очень, но зато было хоть какое-то занятие, два и мышцы начали меня немного слушаться.

Обед мне по звонку принесли в комнату: та же каша, те же котлеты. Плюс несладкий кисель. Я проглотила всё за считанные секунды и поняла, что в этот раз не наелась. Но больше мне ничего не полагалось, так что пришлось остальное время оставаться голодной.

Ближе к вечеру в мою комнату зашел супруг, уставший, мрачный и злой. Взмахнув рукой, он создал на противоположной стене большой магический экран, на который спроецировал свой разговор с одной из любовниц. Я не совсем понимала, зачем мне нужно видеть это, но отказаться не посмела и покорно начала разглядывать невысокую, красивую особую, какой-то роковой красотой женщину средних лет с тонкой талией и пышными формами, нескромно выпирающими из-под ее домашней одежды. Она празднично сидела на узкой, оббитой зеленым шелком софе в пошло и безвкусно обставленной большой комнате, видимо, будуаре, и явно бездумно смотрела в окно.

– Милый! – немедленно подскочила она, удивленно и растерянно улыбаясь, как только мой муж широкими шагами зашел в комнату. – Я не ждала тебя сегодня...

Супруг резко вскинул руку. И женщина тут же замолчала, хотя пыталась мычать. Он лишил ее дара речи? Просто так, даже без санкции суда? Боги...

– Ты пыталась убить мою жену. Не отрицай. Мне это известно. Зачем, Илзе? Неужели ты думала, что сразу после этого я немедленно женюсь на тебе?

Последнее слово было выделено особой, презрительной интонацией. Щеки у женщины ярко вспыхнули, видимо, от негодования и раздражения, и я поняла – да, именно так она по наивности и глупости своей и думала. Впрочем, поняла не я одна: муж посмотрел на свою собеседницу с откровенным омерзением.

– Ты – глупая дешевая театральная певичка, годная только на то, чтобы скрасить мне пару скучных вечеров, необразованная дура без положения, связей и состояния. Ты действительно надеялась, что я могу променять свою жену на такую идиотку, как ты?

Я почувствовала, как кто-то внутри меня при этих словах хмыкнул, причем довольно скептически. Ира? Я не заметила, когда она успела появиться...

«Пусти. Сейчас цирк будет. Надо с него спесь сбить».

Цирк? Спесь? Ничего не понимая, я послушно уступила подруге место, продолжая внимательно смотреть, как на экране мой супруг связывается по магофону с начальником магического и немагического сыска, своим приятелем Аароном верт лон Вартом, затем открывает портал и передает все так же тщетно мычавшую испуганную женщину в руки последнего, параллельно кратко обрисовывая сложившуюся ситуацию. Экран наконец погас, а потом и полностью исчез,

и супруг вопросительно повернулся ко мне, явно ожидая от меня какого-то особенного поведения или необычной реакции.

Еще один тихий смешок-хмыканье, и Ира, лукаво улыбувшись, вдруг начинает задорно хлопать в ладоши, имитируя бурные аплодисменты в театре. Муж вздрогнул, растерянно взглянул мне в лицо и тут же поднял глаза к потолку:

– Опять. Вот за какие грехи?

– Тебе перечислить? – Коварно сощурилась подруга. – Да без проблем. Я могу. Только, боюсь, списки грехов у нас будут различаться.

Обреченное:

– Изыди, демон.

– Сам ты демон. – Ничуть не обиделась Ира. – Показал жене, как расправился с одной из кучи любовниц, и теперь невероятно горд собой. Молодец, возьми медаль и на шею повесь.

– Слушай, уйди, а?

– Да без проблем. Дашь выпить – уйду.

Что?

– Что? – это уже муж. – Зачем тебе спиртное?

– Так хочется же, в честь такого знаменательного события.

Отпраздновать, так сказать.

Сарказм супруг понял, но предпочел не заметить, вместо этого взмахнул рукой, и на постели появилась пыльная бутылка с одиноким хрустальным бокалом.

– Это что? – с любопытством уставилась на выпивку Ира. – Хотя лучше открой, я сама попробую. Ммм... Виски. Да еще и старый. Слушай, ты точно волшебник.

Я почувствовала, как в горло полился горячительный напиток. Была бы на ее месте я, точно закашлялась. А Ира, наоборот, после первого глотка выпила еще и вдруг, оставив бокал подальше, запела, но не долго и протяжно, как поют в наших театрах, а как-то резко, весело, зло:

Ой, сударыня, разбой-разбой-разбой,
Полюбил меня детина удалой!

Мой супруг вздрогнул от неожиданности, а затем раздраженно поморщился:

– Ирма, угомони подругу!

Я лишь удовлетворенно ухмыльнулась внутри своего тела, наблюдая со стороны за этим безобразием и получая несказанное удовольствие от того, что кто-то наконец-то смог найти управу и на моего богами данного мужа.

– Чей-та? – между тем бесшабашно поинтересовалась довольная жизнью Ира, и мне показалось, что алкоголь уже на нее подействовал. – Я девушка свободная: хочу – пью, хочу – пою.

И тут же, продолжая свою песню:

Он схватил меня в охапochку,

Положил меня на лавочку...

(Г.И. Успенский. «Народное гулянье во Всехсвятском»)

– Хватит! – нервы мужа сдали быстрее, чем я рассчитывала.

вала. А жаль. Песенка мне понравилась, даже несмотря на ее пошловатое содержание. – Что это за чушь? И почему ты ее так орешь?

– Не ору, а пою! Между прочим, я музыкальную школу на отлично закончила! – обиделась на такие вопросы подруга. – И вовсе не чушь, а самый что ни на есть народный фольклор моей страны. Книжки надо умные читать!

– Хочешь сказать, у вас в книжках такое пишут???

– Тю. У нас и женщин голых в книжках рисуют, не то что такие невинные стишки печатают.

– Пропавший народ!

– Угу. А у самого-то глазки вон как сразу заблестели.

Муж смутился.

– Странный у вас мир, – буркнул он недовольно.

Ирина:

Как дите малое, право слово: похвали меня, дражайшая моя супруга, за то что я пересилил себя, так сказать, нашел в себе силы передать одну из нескольких своих дорогостоящих любовниц в руки правосудия. И ведь обиделся на вполне справедливую реакцию. Демон, ага. Сам ты демон, да еще и безмозглый. И вообще, сидит тут ворчит, насупился, как филин, все его не устраивает: зачем тебе пить, что ты поешь? Да тебе-то дело какое? Я, вообще-то, к жене твоей пришла, а не к тебе, мачо-чернокнижник. А кстати...

– Слушай, а тех двух служанок, что Ирму убить хотели,

ты тоже поймал?

Задумался? Это означает «нет»? Что ж тогда горным коз-
ликом скачешь?

– Вы с Ирмой сможете их опознать?

Я пожала плечами:

– Если только по голосам.

Кивнул:

– Хорошо. Я сейчас соберу и рабов, и слуг в общем зале,
и ты послушаешь их всех.

– Это как? Так и сообщим, мол, дорогие домочадцы, у нас
сегодня вечер прослушивания?

Хмыкнул. Ну хотя бы на юмор реагирует. Уже, значит, не
все запущено.

– Я скажу, что у Ирмы пропало кольцо. Пусть каждая из
служанок расскажет, где была вечером.

Шикарно придумано...

– Идеальный предлог, угу. Ничего поумней придумать не
смог? Но... Может и сработать...

Дом, конечно, богатый... Но вот кто его обставлял...

«Не я. Его мать и бабка».

«Да уж, вкуса у них явно мало, зато денег чересчур много.
Хотя, конечно, выглядит лучше, чем у этой певички. Но все
равно кичливо и аляповато».

Трехэтажный дом был обставлен в стиле «хоромы-люкс»,
как я люблю говорить: его владельцы прежде всего выпячи-
вали свое высокое положение и весьма неплохое денежное

состояние, но жить в таком «музее», холодном и безжизненном, я бы лично ни за что не смогла: сбежала бы на четвертые сутки.

Первый этаж был полностью отдан под вычурно обставленные залы для приема гостей, скромный и темный кабинет хозяина, огромный крытый бассейн, забитую техникой кухню и богато украшенную столовую, вполне современные ванную и туалет для гостей и слуг и несколько небольших узких комнаток для прислуги.

На втором этаже непосредственно располагались жилые комнаты для хозяев и их нечастых гостей, обставленные по-разному, но все – украшенные золотыми и серебряными орнаментами. Вот явно роду деньги девать некуда. Тут же находились и санузлы для хозяев.

Третий этаж занимали крытая оранжерея с цветущими круглый год цветами, библиотека, забитая литературой на самые разные темы, и спортивный зал со смещаемой крышей.

Плюс еще были подвал и чердак, где хранили такое количество разнообразных припасов, что один этот дом мог в полной осаде прожить несколько лет.

В общем, можно утром выйти из подвала и к вечеру добраться до чердака.

Ирма тихо хихикнула в ответ на мое сравнение. Я же величественно плыла по лестнице под руку с Вартом. Холодная, неприступная сволочь – вот как сейчас выглядел муж

Ирмы. И надо сказать, эта маска ему шла: по крайней мере, можно было точно сказать, взглянув ему в лицо, чего от него ждать... Еще будучи в комнате жены, он с помощью магии вызвал к себе мажордома, внешне и повадками похожего на хозяина, и приказал собрать и слуг, и рабов в общем зале.

К нашему приходу слуги уже выстроились в два ряда: в первом стояли свободные люди, находящиеся в услужении за плату или стол и кров, во втором – бесправные рабы. При чем последние от первых отличались лишь ошейниками. Все остальное, включая чепчики у женщин и серые робы у обоих полов, было одинаковым.

– Моя жена обнаружила, что потеряла одно из своих колец. Сейчас каждая из служанок выйдет и отчитается, где и в какое время она была этим вечером.

Девушки и женщины, подчиняясь приказу, стали выходить по очереди и подробно докладывать о своем распорядке дня. На свободных слуг ни я, ни Ирма никак не отреагировали. А вот рабы...

«Вторая и четвертая...»

«Значит, мне не показалось. Отлично».

Обычные, ничем не примечательные женщины лет тридцати-тридцати пяти. Стоят, крепко сжав руки, сложенные над передником, уставившись в пол, не смея поднять глаза на хозяев. Среднего роста, настолько худые, что рабы болтаются на них, как на вешалках, с измученными, уже морщинистыми лицами. В общем, как убийц лично я совсем бы их

не рассматривала.

– Милая? – обратился ко мне Варт, когда закончила говорить последняя рабыня.

– Рабы, вторая и четвертая, – четко ответила я. Маг кивнул и протянул руку по направлению к женщинам. Из его пальцев немедленно вырвались длинные темно-синие лучи, окутавшие провинившихся рабынь плотным коконом.

– Остальные свободны, – последовал очередной приказ. Жуткий у него тон все-таки, сразу видно – черный маг. Челядь мгновенно разбежалась по комнатам и служебным помещениям, стремясь быть как можно дальше от явно чем-то недовольных хозяев. Сам Варт резко повернулся и направился в свой рабочий кабинет. Я шла рядом, с трудом понимая, что же произойдет и каково будет наказание. Рабыни покорно следовали за нами, как собаки, на коротком поводке, не имея никакой возможности пошевелиться или заговорить.

Всё та же мрачная комната с магическими шарами под потолком, дающими рассеянный свет, и жутким непонятным плотоядным растением у входной двери. Муж Ирмы по-хозяйски уселся в свое кресло, я умастилась на стуле, женщин, молчаливых и испуганных, все так же превращенных в цветные коконы, магия по приказу хозяина поставила у стола.

– Я, герцог Вартариус ранос дорт Антариониус, советник Императора и его правая рука, сильнейший маг Антонии, – начал чернокнижник, причем говорил медленно, громко, внятно, словно судебный приговор зачитывал, – обвиняю

своих рабынь № 567 и 342 в предпринятой ими неудачной попытке убийства моей супруги Ирмы ранос дорт Антариониус, урожденной Ведернес. Властью, данной мне Императором, приговариваю обеих к немедленной смерти.

Взмах рукой – и от двух перепуганных женщин осталась только маленькая кучка пепла на ковре. О-х-х-х... Это даже не Темные Века, это варварство полное... Вот так вот испепелить обеих женщин... Без суда и следствия...

– Ира, дыши. Жена мне живой нужна.

Сказать бы ему всё, что думаю, но я прекрасно понимаю, что он здесь в полном своем праве. Феодал, твою ж мать. Рабовладелец хренов. Ненавижу таких самовлюбленных умников.

– Виски дай. – Блин, что ж так голос хрипит-то? Каркаю, как больная ворона.

Варт как-то странно на меня покосился, но драгоценный напиток все же оказался на столе. Ну что ж, будем лечиться...

Ирма:

Рабов при мне никогда не убивали. В моей семье публичная казнь провинившейся челяди считалась дурным тоном, но об этой процедуре я слышала часто. Поэтому действия своего супруга понимала, хоть и не одобряла. А вот реакция Иры меня удивила. Подруга, похоже, была в полном шоке и уж точно не ожидала подобного исхода дела. И даже пара

глотков виски из уже знакомого мне бокала делу не помогла. Наверное, она выпила бы и больше, не знаю. Меня от тяжелого похмелья спас, видимо, ее сработавший будильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.